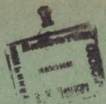

С М Е Н А

ЦЕНА 10 КОП.

XX 101
—
1

МОЛОДЕЖЬ В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ. — Комсомолка-санитарка оказывает первую помощь.

14

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

XX 101
—
1

СМЕНА

ДЕВЯТИДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ЗА КЛАССОВУЮ БОЕСПОСОБНОСТЬ КОМСОМОЛА!

Заседание конференции в Андреевском зале Кремлевского дворца.

24 июня закончилась VI Всесоюзная конференция ВЛКСМ, ознаменовавшая собой новый этап комсомольского движения.

Конференция прошла под знаком необходимости максимального повышения классовой боеспособности комсомольской организации и усиленной борьбы с уклонами от ленинизма — как с правым, явно оппортунистическим уклоном, представляющим собой главную опасность в данный пе-

риод, так и с остатками контр-революционного троцкизма.

Особенно надо отметить то внимание, которое конференция уделила революционной теории. Принятием решения о распространении комсомолом первого тиража ленинского пятитомника конференция сделала крупный практический шаг к вооружению широких масс молодежи революционной теорией.

БЫТ КОНФЕРЕНЦИИ: Споры в кулуарах. В обеденный перерыв. Делегаты у Кремлевской стены.

ПАЛЬЦЫ АНДРЕЯ ГЕЙКО

Рассказ Г. БЛЮМЕНШТЕЙНА

Иллюстрации С. ВОЛУЦКОГО

ЛЕТНЕЕ предвечерье всегда наполнено каким-то звоном, едва уловимым и непонятным; за оградой парка по-особенному звенят удары подков о камни мостовой, где-то совсем близко, удивляясь тому—как получается красиво и звучно—гомонят ребяткиши.

А парк все люднее. Духовой оркестр заиграл браурный, красивый, до сих пор еще из слышанный марш. Гуляющие пары невольно зашатали в такт музыке.

Андрей чувствовал себя испоконно—чего-то неслучивало. Он встал и пошел в темную аллею, где не так людно, где на скамейках о всякой глупости болтают влюбленные пары.

Кто-то оклинул. Андрей повернул голову—искал взглядом, кто это мог быть? На скамейке он увидел Селиванова и Раднева. Старик поманил пальцем Андрея.

— Ну, как дела?

— Ничего хорошего. Боясь, что в техникум не поступлю. Старик дружески хлопнул Андрея по плечу.

— Не робей, поступишь.

Откинувшись на проволоку, огораживающую газон, и следя внимательным взглядом за красивой девушкой, медленно проходящей мимо, Раднев вяло, как-будто это его не интересовало, заговорил:

— Подлец буду, если обегу учиться. Мне кажется, что ребята идут учиться только на-за высокого заработка инженера да легкой работы. Я получаю выше сотни, пока холост—довольно. Женюсь, тоже хватит.

Старик (годами он был не стар, сорока девять лет, но в бороде и усак, приятно подстриженных, с трудом можно было найти черной волос) живо возражал:

— Кому учиться, как не молодым. Эге! Если-б я был лет десятков моложе, учился бы. Да вот беда, стар! Пошел я в прошлом году на курсы. Хоть плачь—не лезет в голову, да и толкоть!

Раднев, как-будто, согласился.

— Верно; Но, по-моему, Андрей...

«Началось»,—подумал Андрей. Ему вдруг стало скучно. Он знал, что сейчас Раднев будет обвинять его. Такие споры между ним и Радневым велись уже не один раз. Вдруг он понял, что его томила. За весь день он ни разу не видел Ани. Сегодня за недосугом он не зашел в намоточную перебраться с парой слов.

Его потянуло к ней. Что она сейчас делает? Наверно, читает. Ее серые глаза внимательно изучают маленькие черные значки. Между затылком и макушкой прелестный жгут ее кос. Он поднялся.

— Куда ты, Андрей?

Он неопределенно махнул рукой.

— Надоело сидеть. Пройдусь,—и, не расслышав крикнутое ему влоконку Радневым, направился в выходку.

За прожектором, уличей, о тремя кино-театрами и несколькими кондитерскими, сразу стало тихо. Сидящего высклика на площади памятник молодым рабочим завода, расстрелянным в двадцатидесятом году контрреволюцией Деникина.

У знакомой ограды Андрей остановился, тронул кольцо калитки, и тотчас послышался лай собаки.

Из освещенного окна в глубине палисадника, подняв занавеску, выглянула Аня, через минуту она стояла уже на крыльце и, по-военному отдав честь, встречала Андрея.

Сели тут же на порожках. Из парка, откуда, не имея сил побороть своєю хандру, пришел Андрей, доносились музыка духового оркестра. Марш звучал отдаленно, не нарушая тишины свежего позднего вечера. Над домом темная ткань неба была пронизана помаргивающими светлячками, а над заводом высоко в небо от самой земли поднималось зарево от прожекторной бессмертовой печи, похожее на громадный экран.

— Сегодня получила от подруги из Харькова письмо. Пишет, что время проводит весело: каждый вечер в театре или кино. Благо, хлопцы около нее увиваются, как мотыльки около огня. Я этому, собственно, и не удивляюсь. Она иногда до тактична красива. Мне и осуждать ее трудно,—неожиданно так сказала Аня.

— Я только что из парка. Видел Селиванова и Раднева. Удрал. Чуть было не выслушал опять проповедь,—что я не космополит, думаю исключительно об учебе, а общественную жизнь забываю. Эх-ма! Да чего мне надоел Раднев! Ну, как ему объяснить, что меня не интересует ни МОПР, ни наши молодежные вечера с их бессодержательной программой. Попробуй скажи ему это,—заест. Мозолит ему глаза моя подготовка в техникум.

— А я... я,—она хрустнула пальцами.—У меня даже и этого нет. Вот ты занимаешься, готовишься, надеешься поступить. А я заниматься не могу. Из зарплата своего платить 15—20 р. слишком трудно для меня. Самой заниматься—сил нехватит да и энергии. Ах, как я все же завидую Натке!

Андрей заговорил вдруг так возбужденно, что улегшийся у их ног и давно утихший белым комочком Тобик вскопчил и заурчал.

— Аня, есть у меня прекрасная мысль: будем заниматься вместе. Я стану твоим учителем. Два, три раза в неделю. Это и мне пойдет на пользу. Будем поступать вместе—или на один курс, или ты на подготовительный, а?

Аня обрадовалась и сконфузилась.

— Какой ты, Андрюшка, славный.

— Ну, уж и славный. Это потому, что ты у меня солнцеволосая.

Есть где-то пословица: человеку столько лет, сколько покаывает его внешний вид. Но не всегда так. Сед Селиванов, но стариком его не назывешь. Он любил бывать с молодежью гораздо больше, чем с людьми его лет. Часто у его девятнадцатилетней дочери собирались парни, девушки. Когда веселье охватывало всех и их смех пробивался сквозь прикрытые двери столовой, он незаметно входил, присаживался, и никто не удивлялся его присутствию, когда замечали его весело смеющихся со всеми. После работы он обыкновенно, как и сегодня, заходил в красивый уголок, где зачастую происходили молодежные собрания. Зависался он куда-нибудь в угол и до конца слушал все происходившее, а потом уходил, смешавшись со всеми и внимательно слушающая спора.

В этот день кто-то при выборах президиума выкрикнул его фамилию. Смущившись, он под громкие аплодисменты занял свое место за столом.

После четки плана работы на ближайшее время, Селиванов несмело попросил:

— Можно ли мне кое-что сказать?

... попросил он однанды слово и такое сказал...

«Натка, друг!

Знаю, что была я большая-пребольшая свинья. На твои три письма ответила всего лишь одной открыткой. Но, надеюсь, извинишь. Ты знаешь, если нет каких-либо переживаний, если ничем особым не интересуешься, то беден и жалок твой язык. О чем я могла тебе писать? Сколько раз в день ем? Но это, ведь, тебя не интересует. Сколько раз хожу в кино? Но, ведь, это очень жалко. Впрочем, у тебя свои интересы, а, может быть, и поймешь меня.

Наши комсомольские собрания посещает один старичок-монтер. Такой смешной, но в то же время такой милый. Вечно улыбается. Бородашка маленькая, седенькая. Приходит к нам на собрания и сидит, как-будто прется около нас. Сидит и молчит. Но вдруг на безоблачном небе сверкнула молния и ударил гром (не подумай, что я поэтесса, это из прочитанного романа) — попросил он однажды слово и такое сказал, такое, что мне неловко стало стыдно за наших комсомольцев: никто не додумался раньше это сделать. Говорить он старался складно, но от волнения, что ли, получилось не очень. Я тебе постараюсь передать дословно, насколько помню:

— Я, конечно, как беспартийный и старик хотел сказать, что получается в этом самом плане не плохо (это он по поводу зачитанного плана работы). Тут и вечера разные, конечно, и гулянки. Почему, конечно, и не погулять.

Я вот читаю газеты и вижу, что на таком-то заводе есть общество изобретателей. Я это — к чему? Вот со мной работает парнишка выс, конечно, комсомолец, Башкировский. Изобрел, вы все знаете, из реверсивного под'емный контролер 1. А в них-то была нехватка. Вот можно буржуям и не давать торговать. А там, глядишь, другой, третий. Я это — к чему? Нужно нам, конечно, свое общество изобретателей в нашем цеху создать...

Старая чистыми концами вполтевший лоб, Селиванов сел на место. А ребята взбесились. Ребята хлопали так, что ладони их покраснели...

У Андрея иногда возникала болезненная для него мысль: не лишней ли он в комсомоле человек? Правда, он хочет стать инженером. Он тогда сможет принести пользу и партии и комсомолу.

А сейчас? А сейчас вспоминались ему брошенные Радневым, что он — смертная душа, комсомолец для билета.

У каждого есть свои индивидуальные интересы, но мыслить ли они без обихи? И вдруг, чисто случайно, Андрей оказался не чужим. Просто, не поозревая этого, ему указали его путь в комсомоле. А было это так.

В комнате заседаний, отделенной досчатой перегородкой от красного угла, собрался человек двенадцать. Все усиленно думили. Обсуждали предложение Селиванова. Решили, что создавать кружок изобретателей нет сил, а поэтому и смысла. Лучшее всего создать кружок молодых рационализаторов.

Серьез была за кандидатурой ответственного за организацию и работу кружка. Секретарь отглядел собравшихся. Сидели, кто откинувшись на спинку скамейки, кто упорно глядел на пол, как-будто там мог быть нужный человек.

— Кому-ж из членов бюро поручить? Дело ответственное. Радневу, что ли?

Раднев, выдыхая дым, искоса взглянул на Андрея.

— Товарищи! — поднялся он. — Это неправильная постановка вопроса. Как какая-нибудь большая нагрузка, так член бюро, пожалуйста браться. Я со своей стороны предлагаю Андрея. Во-первых, парень интересуется, а во-вторых, без нагрузки. Ведь, не нагрузка же это, когда он готовится быть инженером.

Андрей покосился ирония, скрытая в последних словах Раднева. «Спеть укор!» — и тут он подумал, что, собственно говоря, такая работа ему больше по сердцу.

— Я согласен, если мне доверят, — выразил он в слух свое раздумье, не ожидая мнения бюро.

Можно себя успокаивать, как это делал Андрей, что человек не рождается все знающим и все умеющим, но все-таки он чувствовал себя беспокойным. Поручили ему организацию кружка. Организовать (вывесить по агрегатам об'явления, произвести запись желающих) дело нетрудное. А дальше что? Чорт его знает! Андрей ломал голову. Он знал, что рационализация — это установка новых машин, лучшая организация транспорта. Но в условиях его, электрического цеха... прямо оудреть можно.

На организационном собрании, где выбрали бюро в составе Селиванова, Ани и Андрея, присутствующий преподаватель обещал всемерную помощь.

Ее серые глаза внимательно изучают маленькие черные значки.

Все втроем шли, горячо обсуждая детали дальнейшей своей работы.

— Говорил я в чейке. Дал мне секретарь, так сказать, одно указание — сбор лома меди. Это можно сделать, но это не все. Это не может быть основным в нашей работе. Нам нужно придумать такое, что бы могли, ну... это — Андрей щелкнул пальцами, замечая жестом отсутствующие слова, — так сказать... тьфу, чорт нет слов. Работу вести планоно. Нет! В общем, ребят нужно заинтересовать работой.

Старик Селиванов поморщился, как бы обдумывая что-то. Потом он живо схватил Андрея за руку.

— Есть! Придумал!

Над самым ухом резко и злобно крикнула кукушка. Они оторопело оглянулись. Незаметно для себя они шли перепрыгивая со шпалы на шпалы, увлекшиеся разговором. Высунившись из будки, зло кричал машинист.

— Катагон, проклятый! Жизнь нам надоела. Слышь, что дают сынок, уходи за рельс! Уходи с дороги, каку.

Ни слова не говоря, чувствуя свою вину, они отошли. Кукушка с машинистом давились дальше.

Андрей стоял у окна и смотрел, как сверху тянутся косые, оборванные нити, такие, какими их рисуют на новогодних открытках. Желтый свет электрического уличного фонаря дрожбал в мелкой ряби большой луны. Селиванов возился у тисков. На полу стоял разобраный, непригодный уже к работе контролер, взятый ими для опытов.

То, что они придумали для привлечения товарищей по цеху в кружок, захватили их самих. Удачная мысль пришла в голову Селиванову: об'явить конкурсы на лучшее предложение по рационализации цеховых работ. Одной из конкурсных задач было усовершенствование пальцев контролера. И теперь они оставались в заводе до 6 или 7 часов каждый вечер.

Однажды, сидя у Селиванова в спальне, они молча думали каждый об одном и том же, как сделать, чтоб лучше экономить дорогостоящую медь. В дверь заглянула Симя — дочь Селиванова. Ее заинтересовал зачистивший к ним Андрей. Такой

¹ Аппарат для пускания моторов.

здоровый, красивый, а на нее не обращает внимания! Зачем же он ходит?

— К вам можно?

Андрей любезно пригласил:

— Пожалуйста. Хотя, извините за откровенность, вы не моего пошелоха.

Селиванов весело рассмеялся.

— Ох, Андрей, да разве так можно с девушкой.

Сима заинтересованно взглянула на Андрея. Нет, он ей положительно нравится. Но надо было оправдать свой приход.

— Я зашла за часами.

Взяв с комодка маленькие кокетливые часы на тонкой резинковой пружинной цепочке, и, как бы для удобства, присев и выставив вперед красную руку, она принялась соединять концы цепочки вокруг кисти. Андрей задумчиво следил за движениями девушки... Часы соскользнули, повиснув на цепочке. Андрей, точно вспомнив, неожиданно ударил себя по лбу.

— Есть! Придумал!

Сима посмотрела на него, не понимая, в чем дело, а Селиванов даже присковил.

— Что?

— Палец делать сборным. У меня в голове все время этот контролер торчал. Ничего не могу придумать. Но, когда часы не удержались на руке Сими и соскользнули вниз, мне почему-то показалось, что это есть необходимый мне палец, состоящий из двух частей, держащих друг друга. Значит, если конец его стирается, то мы вместо того чтобы выбрасывать весь, выброшим только часть. А, как ты думаешь, хорошо?

— Андрей, ей-богу, будешь вторым Вольтой!—воскликнул старик.

И вот сейчас, когда первый аромат новой мысли прошел, когда с ее изюминкой свивались, Андрею казалось, что дело его изданамино. Если оно представляет собой ценность, то неужели до него никто не мог сделать! И, наверно, сделал. Только они об этом не знают.

Холодно, безразлично как-то смотрел Андрей на почти готовый контролер. Предложенный им палец был несколько раз и с большим трудом переконструирован, так чтобы он мог быть приспособлен к контролеру лодки системы.

— Степан Ильич,—обратился внезапно к Селиванову Андрей,—а может быть, мы трем бузу? Может, наша работа гроша не стоит?

— Стиснь,—Селиванов выпрямился от тисков, посмотрев на Андрея с укоризной и любовью. Капелька пота скатилась с пряди белесых его волос и застряла в мохнатой брови.—Я тебе говорю, что нигде не видал такого. Ты, ведь, еще мальчик, работаешь недовоно. А я сколько моторов и контролеров повидал!

Потом он вдруг рассердился.

— Или принимайся сейчас же за работу, или уходи. Молодой человек, называется. Как только живешь?

«Наточка!

Твое письмо получила. Узнаю тебя в нем. Год как мы растались, а ты не изменилась. Любишь шелковые чулки, свои

яркие карминные губки (признаюсь, я их тоже люблю); любишь потанцовывать, вскружить парням голову. Я еще сейчас вижу твои прелестные синие глаза (не правда ли, это звучит, как письмо влюбленного?). Но все-таки твои интересы так далеки от моих. Помнишь, я тебе писал, что у нас организовался кружок рационализаторов. И, представь себе, я, по мере своих сил, принимаю в его работе участие.

Какое? А вот читай...

Наш кружок работает в помощь производственному совещанию. И вот, бюро кружка выделило меня для связи с ним. Я должна суметь доказать ему, и доказывать, целесообразность наших предложений и слезить, проводиться ли они в жизнь.

Наточка, предложения провались в жизнь. Даже—представляю себе твоё удивление—мои предложения приняты.

У нас, в намоточном деле, для изготовления секций и нужны деревянные модели. Используемые, они разбрасывались по мастерской. Когда нужны были эти самые модели, заказывались новые. Я предложила, чтобы разбрасывание по мастерской собрать, сдать в инструментальную, а затем, по мере необходимости, вылавлять намоточникам, как инструментом. В мастерской слишком были загрязнены окна, отчего понижалась производительность труда. Окна промыты.

Наточка, пишу тебе, а внутри у меня будто играет музыка. Ах, я слышу, хоть нас разделяют сотни километров, твой удивительно-музыкальный смех; я его когда-то так любила (опять комплименты!). Ты, друг мой, никак не поймаешь природу этой музыки. Вель, ты ушла от комсомола только потому, что никогда ее не слышала.

Знаешь, заводоуправление об'явило нашему кружку благодарность за принесенную им экономию в 575 руб. Наточка, ведь, это благодарность также мне, понимаешь, мне! Поищи, благодарность нашему кружку экономится 80% мели, идущей на так называемый контролер. Не говорю о прочих мелочах. Чувствую, что ты недовольна. Перестань. Я лучше расскажу о своих сердечных делах, тебя это, кажется, всегда интересовало. В ремонтной бригаде моторов работает один парень Андрей Гейко. Я скажу тебе по секрету: я его люблю.

Ах, нет, я не так выразилась. Он мне просто нравится. Он добрый, отзывчивый и, между прочим, красивый. Готовится в вечерней рабочей техникум. Я хотела бы тоже заниматься, но не могла по соображениям материального характера. И вот он со мной занимается, то есть подготавливает.

И знаешь, удивительное дело, занятия идут гораздо успешней, чем когда-то в школе. Будем вместе поступать учиться. А там, лет через пять... Ур-ра! Наточка... я смогу стать инженером.

Ох, заболталась. Наверное, собираешься куда-нибудь итти, а я задерживаю.

Всегда хорошего. Анка».

Лит. группа «БЕССЕМЕР» (гор. Каменское)

1 Обмотка моторов.

ВОКЗАЛ

Вокзал... Разбросанные линии
Вокзал однообразно-ононо.
Огни зеленые и синие,
И матовые над перроном.
Несемые текут минуты
По дискам шиферблатов мутных,
И пахнет горьчично мазутовой
От выкриков ежминутных.
Стук буферов...
Азартный спор...
Сигнальный рог...
Шипенье... звоны...
За стрелкой машет semaфор
С огнем багровым на ладони.
Дрожащий подошел состав—
Со скрипом по перрону замер,
С пути створогного утав,—
Блестит фонарными глазами.

Что вот свисток,
И гулко вновь
Поезв в молочные туманы
Для ткацких серебро основ,
Для ткацких хлопков из Ферганы...
в. Владимир   Павел Слесарев

УТРАМИ

Утрами в огромные окна зоря
Швырнет раскаленные яркие блики,
И вырастут у верстака слесаря,
Рождая завода железные крики.
Всю ночь напролет голодая, тиски
Теперь добрались до сырого металла,
Схватили и сжали стальные куски,
И сталь в напряжении затрепала.
Драчевые пилы под скрежет, под вой,
Под лязг, под огонь электрической прои,
Под песни и пляски игры круговой
Сдирают окалины черную кожу.
За локти подобранные рукава,
Склоенные лица, согнутые спины,
Пружинные мускулы, думы, слова
Захлестнуты рвением и суираком синим.
Несется по воздуху: «Живой Скорей!
Наш день меж гудками уроку неорогок!»
Спялась, точно стая, гурьба слесарей
И в браковщику унеслась за работой.
Минута, и стая вернулась назад,
Мгновенье, и встала она за тисками,
Азарт, словно молния, вспыхнул в глазах,
А вспыхнув, насквозь овладел головами.

Гр. Шербаков

СТЕКЛО

Сначала кремнекислота
И окись дымного свинца.
Течет, как патока густа,
Река стеклянного сырца.
На каменном печном полу
Кипящее стекло бурлит,
Оно, как девушка в бреду,
Горит и мечется у плит.
У локтя, точно чародей,
Веселый баночник-важлак,
Железной ручкой повертает,
Он удит звездочки стекла.
А в шифальные звои и визг,
Там сырость зябкая, как мок,
Там жернова на хрупкий диск
Кладут тончайшее клеймо;
И шифальница на-глаз
Кладет узор на свой стакан,
Морозится пылко от стекла
Она заставит засверкать.
Зернистой пылью найданца
Прозрачность тонкую натрут,
И вспыхивый на ней закат
Запечатлеет карбонуд.

Ленинград

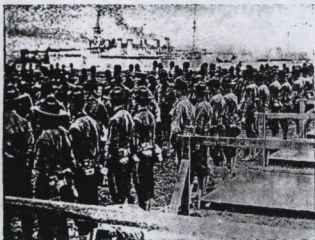
Р. Карельская

КРАСНЫЙ ФРОНТ

ПРОТИВ

ВОИНЫ

Очерк Вл. РУБИНА

Войска интервентов в Китае.

ВОЕННЫЕ корабли «Курб», «Меш», «Жан Бар» — стальные гиганты с вершинами оскалом пушек, — на них развернул свою антимилитаристскую работу Французский комсомол. «Против империалистической войны, за оборону Советского Союза, против порабощения колоний» — под этими основными лозунгами проводят антимилитаристскую работу французские комсомолы. Вместе с тем лозунги повседневной борьбы за сокращение рабочего дня, за сносную пищу, против грубого обращения со стороны офицеров вовлекают в антимилитаристскую деятельность сотни моряков, зачастую еще не совсем сознательных конечные цели движения, постепенно выковыная из них стойких, закаленных борцов.

«Боритесь против «коровых рыл» — такие афишки были вывешены во многих казармах. «Шлите заметки о своих «коровых рылах» в нашу газету «Каверн».

«Протестуйте против плохого питания и грубого обращения», — прививали матросы и солдаты-комсомольцы своих товарищей по казарме и по палубе.

Французский комсомол по праву может гордиться своей антимилитаристской работой. Он выпускает для солдат специальную газету «Каверн» (казарма) и для матросов приложение «Жан Ле Гуэн». Орган Французского комсомола «Авангард» также уделяет много внимания вопросам антимилитаристской работы.

Наряду с борьбой за экономические и политические права солдат, Французский комсомол проводит большую работу среди новобранцев: созывает их «сезды», организывает «Союзы допризывников», проводит связь между рабочей молодежью и молодежью, призванной на военную службу. С целью оказания материальной и культурной помощи солдатам, комсомол организует так называемые «кассы солдатского су» и школы для солдат.

Власти обрушиваются на Французский комсомол целым рядом репрессий. В тюрьмах Тулона, Кальви, в военной тюрьме Балубске арестованные за антимилитаризм комсомольцы исчисляются десятками. Лишь совсем недавно после длительного заключения вышел из тюрьмы осужденный за антимилитаристскую работу среди механиков военного парохода матрос-комсомолец тов. Дюмулен.

Французский комсомол имеет благоприятную почву для своей антимилитаристской работы, так как условия во французской армии и во флоте действитель-

тельно потрясающи. Совсем недавно, напр., было раскрыто скандальное дело некоего военного врача-саписта, подвергавшего солдат жестоким пыткам (операциям, прижиганиями и т. п.) без всякой на то надобности. Несмотря на то, что обстоятельство дела вызвали сильное возмущение, оно окончилось лишь отставкой врача-преступника. Орган компартии «Юнайтед» также совсем недавно поднял завесу над жизнью на одном из военных судов, где офицеры явно издевались над матросами, заставляя их голпать и т. п.

Большие владыки в области антимилитаристской работы стоят и перед Германским комсомолом. Хотя, согласно мирному договору, Германия не имеет права содержать крупную армию и флот, тем не менее она не упускает ни малейшей возможности для вооружения. Планы постройки броненосца «А», политика усиления рейхсвера, поощрение деятельности военных фашистских отрядов и ряд других примеров указывают на рост агрессивных стремлений германского империализма. В связи с этим перед Германским комсомолом стоит задача усиления антимилитаристской работы, в частности, в полиции, которой постепенно все больше и больше придает характер регулярного военного корпуса в рейхсвере. Германский комсомол улавливает свою антимилитаристскую работу о компании по защите СССР, по разоблачению клеветнических утверждений с. д. о «красном империализме» и т. д. Работе КСМГ в рейхсвере благоприятствуют тяжелые жизненные условия солдат рейхсвера. По официальным данным, за один 1927 г. среди них зарегистрировано 143 самоубийства.

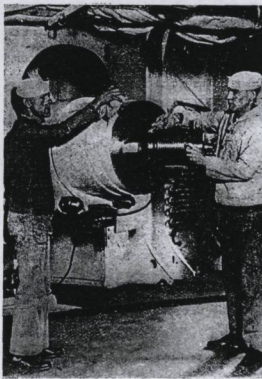
Известных успехов в антимилитаристской работе добился и Английский комсомол. Он начал активно работать в армии еще во время посылки английских войск в Китай, тогда была выпущена, напр., листовка «Английский матрос, не стреляй в китайца!». В своей пропаганде комсомол Англии выступал за братание между английскими солдатами и моряками и китайскими коммунистическими отрядами.

Широко развернул антимилитаристскую работу Английский комсомол в связи с последними парламентскими выборами. Ораторы комсомола и Рабочей лиги фронтовиков выступали на ряде солдатских собраний накануне выборов к величайшему недовольству командного состава. В настоящее время перед Английским комсомолом стоит задача вызвать под свое влияние широкие массы солдат и моряков, в частности тех молодых рабочих, которых в последние месяцы голод и безработица погнали в армию.

Для антимилитаристской пропаганды будет также использован августовский международный слет скаутов в Англии, так называемый «Джамбори». Комсомол Англии уже выпустил ряд листовок, разоблачающих подлинную сущность скаутской организации, а также специальную газетку, под названием «Анти-скаут». Передовая статья газеты обращается к английским рабочим с вопросом: «Хотите ли вы, чтобы ваши дети служили пушечным мясом в предстоящей войне?»

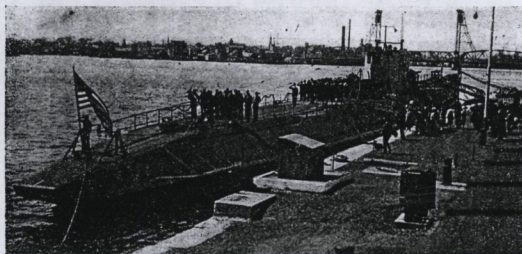
Комсомол Англии развернул большую работу на предприятиях военной промышленности. Так например, под влиянием пропаганды комсомольцев и коммунистов, выпускающих собственную газету «Пропеллер», вспыхнула забастовка на аэропланном заводе «Армстронг Витпорт» и на заводе по сооружению гигантского английского самолета «R 100».

Известные достижения в антимилитаристской пропаганде имеют также Чехо-Словацкий, Американский и Греческий коммунистические союзы молодежи. Однако, в большинстве секций КИМ'а эта работа еще недостаточно развернута. Поэтому предстоящий 1 августа с. г. Международный красный антивоенный день должен послужить толчком к дальнейшему усилению антимилитаристской работы мирового комсомола.

На американском дредноуте. Чистка орудия.

ИМПЕРИАЛИСТЫ СТРОЯТ ПОДВОДНЫЕ КРЕЙСЕРА. На фото одна из крупнейших в мире недавно построенная американская подводная лодка.

В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОХОД ПОД ВОДОЙ¹

Очерк И. ТРАВИНИЧЕВА

Мы легко ускользнули от них, но это не был полным спасением. Я оборвал связь нефть, как склой берег лет св еслете. Теперь всем станет известно о плавающие в Средиземном море подводной лодки! Эта весть возгоржит откнуте у Галипполи к рабля, а главн е—по нашим следам будут высланы английские востатранные миносцы. Это п влечет за собой погружен е под воду, лишнее зарядки батареи, лишний расход топлива.

Мы пр д лжили итти вперед еще медленнее, чем раньше, держае возможно дальше от м рских путей.

«К рабля на носу», и к нам стал приближаться большой английский пароход. Он был, несомненно, в сржении. Мы погружались. Я со страхом смотрел на приборы, измеряющие количество топлива. Уровень нефти снижался. Вскоре опять: «Эскадренные миносцы!» Два французских корабля заметили и атаковали нас. Новое погружение. Уверяю вас, это начинало шекотать нервы.

U21 вошла в Адриатику через неделю после перехода через Гибралтар и через 18 дней после выхода из Вильгельмсга-

фена. Когда лодка 13 мая была вывита на буксир австрийским эскадренным миносцем, в ее цистернах оставалось 1,8 тонны нефти.

В Каттаро мы подробно узнали о положении вещей у Дарданелл. На Галлиполийском полуострове англичане и турки боролись друг с другом в дикой мертвой схватке. Анзакские полки день за днем атаковали турецкие траншеи с неослабевающей яростью, а турки сопротивлялись им с той выносливостью, которая давно известна за оттоманским солдатом. Атака англичан вострчала полную поддержку со стороны кораблей, посылавших на берег тонны взрывчатого вещества.

U21 пробыла неделю в Каттаро, занимаясь починкой и пополняя свои запасы, а затем вышла в море. Мы обогнули берега Греческого архипелага и направились через Эгейское море к зашитою кровью Галлиполийскому полуострову. Англичане засеяли эти воды минами, и, чтобы избежать эти поля безобразной подводной репы, мы должны были пробираться в тени берегов. Мы шли в надводном состоянии всю ночь 24 мая, направляясь к югу прямо к этому опасному выступающему кусочку земли, опустошенному

и разоренному войной, где борьба дошла до крайнего предела. Под покровом ночи мы прошли через линию сторожевых судов незамеченными.

Наступил день. По правому борту был берег с холмами и скалами, окрашенными в желто-коричневый цвет. Сруидных выстрелов еще не началось. На море был полный штиль—далеко не идеальная обстановка для нашей работы. Для перископа лучше было не слишком показываться в этих водах. Мы погрузились и пошли дальше.

А вот и корабль... Мы немеем возможности долго их рассматривать. Быстро выставляете перископ, я поспею «оглядываюсь» в надежде, что наша «спаржа» не будет замечена за эти несколько секунд, когда она возмывается над зеркальной поверхностью. Перископ убирается. Мы увидели три английских линейных корабля против мыса Гелла. Я мог различить эти громады. Один взглянул в мой справочник флотов, и, по имеющимся в нем фотографиям и описанию, я мог сказать, что эти гиганты принадлежали к типу «Маджестик». Они стреляли залпами из своей тяжелой артиллерии.

Близости стояло госпитальное судно. Кругом шмыряли и вертелись десятки сторожевых судов, торпедных катеров и эскадренных миносцев, нервно высматривавших противника. Было ясно, что англичане приняли все меры предосторожности для защиты своих линейных кораблей от атаки подводных лодок.

— Редкая дичь для подводной лодки!—возбужденно воскликнул у своему помощнику и осторожно направил U21 к этим трем левиафанам.

Мы наудач шли в течение некоторого времени под водой, не осмеливаясь выставлять перископ. Мне временно не хотелось показывать нашу спаржу в таком соседстве. Наш курс лежал на север от конца полуострова. В половине седьмого в перископ стал виден еще один линейный корабль. Он подвигался медленно, выбрасывая тучные шары по турецким фортам на северном берегу. Это был корабль типа «Триумф». И опять небезыбный рой сторожевых судов и эскадренных миносцев, кружащихся вокруг него для охраны.

— Убрать перископ!—Мы погрузились на глубину 70 футов и направились к чудовищу, нырнув под линию сторожевых судов. Шум их винтов, когда они проходили над нами, раздавался, как непрерывное жужжание.

Я стоял в боевой рубке. Мы выходили на позицию.

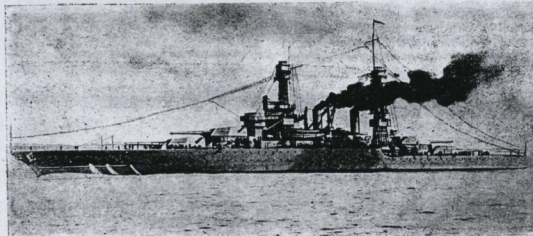
— Поднять перископ!—Корабль «Триумф» стоял на расстоянии всего трехсот метров, повернувшись к нам бортом.

— Аппараты—плл!—Сердце запылало в моей груди, когда я отдал это приказание.

Затем наступил один из тех жутко-спокойных моментов, которые не забываются всю жизнь. Не обращая уже больше внимания ни на что, я оставил перископ наружу. Вот... Я увидел знаменательную полосу белой пены на воде. Она быстро двигалась от того места, где мы стояли, и шла прямо—да, прямо и верно. Она быстро приближалась к шели. На воду поднялось большое облако дыма. В боевой рубке мы услышали сперва звук сухого металлического удара, а затем страшный потрясающий взрыв.

Я не смог сразу оторваться от этой ужасной картины, и это чуть не стоило нам

¹ Продолжение. Начало см. в № 13 «Смена».

АМЕРИКА «РАЗОРУНАЕТСЯ». Новый американский сверхредноут «Восточная Виргиния». Гувер недавно совершил президентскую экскурсию на этом смертоносном гиганте.

жизни. В тот момент как белый след торпеды показался на воде, эскадренные миносцы бросились меня преследовать. Они устремились на нас со всех сторон.

— Убрать перископ! — и мы погрузились. Не слышно было ничего, кроме шума винтов над нами, справа и слева. Вокруг нас начнут взрывать глубинные бомбы. Почему я не погрузился вовремя? Две секунды, которые я промедлил, казались теперь годами. С этим роем, кишащим над нашими головами, наш приговор казался неизбежным. Внезапная идея, как молния пронизала мой мозг.

— Полный ход вперед! — прокричал я, и мы пошли по пути, только что пройденному торпедой прямо к взорванному кораблю.

Это было безумно, я признаю, но надо было рисковать. Погрузившись на максимальную глубину, на какую мы только

вару они услышали взрыв торпеды. Они видели как накренился «Триумф» и как засуетились вокруг десятки сторожевых судов и эскадренных миносцев, принимая к себе на борт людей с гибнущего корабля и сходясь за поводной лодкой. «Триумф» сам открыл огонь уже после взрыва по тому месту, где оказался перископ. Корабль накренился настолько, что его трубы и мачты легли на воду. Затем он совсем перевернулся, подняв свой большой киль в воздух.

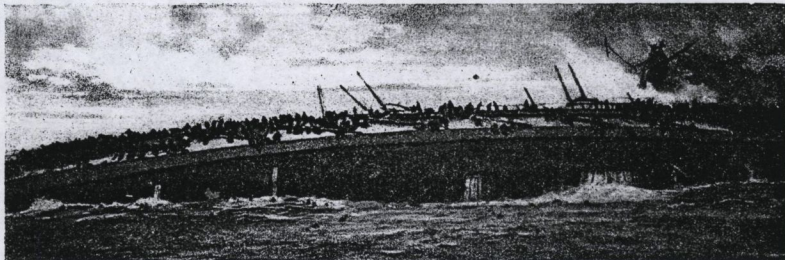
Бода была усеена тонущим людами и спасательными шлюпками. Через 12 минут после попадания торпеды, «Триумф» исчез в глубинах Эгейского моря, присоединив к тысячам других судов, лежащих на дне этого исторического моря.

Северо-восточный уголок старого Эгейского моря стал жарким местом в этот день. Сотни кораблей пустились в поиски нас. Каждый раз, когда мы выгля-

да стояли на якоре большой линейный корабль, типа «Маджестик», с 12-дюймовой артиллерией. «Маджестик» усиленно обстреливал турецкие позиции на холмах.

Страх, который за последние дни нагнал наша подводная лодка, имел свое действие. «Маджестик» был окружен почти непроницаемым кольцом всевозможных сторожевых судов. Приходилось принимать во внимание не только трудность подхода к нему, но также и возможность того, что какое-нибудь из мелких судов перевернет путь торпеды и примет ее на себя. Требуясь для выстрела маневр был настолько сложным, что был необходим самый тонкий расчет. К счастью, море не было спокойным. Дул резкий ветер, и Эгейское море вымывало бурными валами, которые помогли нам скрыть наш перископ.

Стоявший за мною дахтенный офицер выставил перископ.

РЕДКИЙ СНИМОК. Потопление германского дредноута «Блюхер» английским флотом в Северном море в годы мировой войны. Корабль накренился настолько, что его трубы и мачты легли на воду.

осмеливались, мы проскочили под тонущим линейным кораблем. Он мог бы с грохотом свалиться нам на головы, и тогда подводная лодка и ее громадная жертва пошли бы вместе на дно. Сумевший маневр нас спас. Было слышно, как непрерывно падали глубинные бомбы, но они были по другую сторону тонущего левиафана. Винты эскадренных миносцев вращались над нами, но они спешили к тому месту, где мы были раньше. Англичане забросали бомбами море широким кругом, но только по ту сторону гибнущего «Триумфа». О нашем нырянии под тонущий корабль у противника не могло возникнуть и тени подозрения. Держась во возможности на максимальной глубине и в те показывая даже кончика перископа, мы хотя и вслепую, но верно ускользали прочь. Когда я осмелился выглянуть в перископ, мы были далеко от места крушения «Триумфа».

Конец всей этой истории я узнал позднее, когда U21 пришла в порт. Торпедорывавший нами линейный корабль был, действительно, сам «Триумф», в 12000 тонн водоизмещения и вооружением из тридцати двух орудий. В течение уже многих дней он стоял здесь против берега, осматривая снарядами турецкие траншеи. Люди в траншеях, азиаты и оттоманы, лежали в это утро, глядя друг на друга, и по естественному кровавому расписанию засыпали друг друга снарядами и ручными гранатами.

давали в свой перископ, мы видели суда, бегавшие взад и вперед. При таком роде охоты мы не решились показать даже кончик нашей боевой рубки над водой. Мы шли в погруженном состоянии до тех пор, пока хватило энергии в батареях. Внутри нашего металлического корпуса воздух стал настолько спертым, что мы с трудом могли дышать. Каждое наше движение требовало невероятных усилий. Мы становились слабыми и вялыми. Когда мы, наконец, поднялись в ясную прохладную ночь, мы впились в себя свежий воздух, как люди, умирающие от жажды, пьют чистую воду. Мы перевезали батареи и остались на поверхности весь остаток ночи.

Настал день, и на море было сильное волнение. А вот и те же берега и холмы с линией траншеи, но кораблей не было видно. Мы ходили кругом. Иногда появлялись разные суда, но не было ни одного линейного корабля. Было ясно, что здесь больше не появятся морские гиганты.

Они представляли бы собою слишком удобную цель для поводной лодки. Я повернул на юг к мысу Гелла в конце полуострова.

— Что тут такое происходит? — спросил я своего помощника. Мы увидели в перископ, что на берегу кипит какая-то работа. Вскоре нам стало ясно, что идет высадка военных частей. Несколько больших транспортов стояло у берега. Они были не одни. В пятистах метрах от бере-

— Шестьсот метров, — сказал я ему, — мне кажется, это лучше, но так мы можем рассчитывать.

Линейный корабль был у нас хорошо на прицеле, но маленькие суда все время перезали путь, по которому должна была идти торпеды. Они до того мне надоели, что даже если бы хоть одно из них влезло на воздух, это несколько успокоило бы мое раздражение. Нужно было иметь дьявольское терпение, но, наконец, путь освободился.

— Аппараты — пли! — отдал я так часто повторяемое приказание. — Убрать перископ!

Мы сразу же погрузились и пошли под водой. Я был уверен, что перископ не был замечен и что следы от торпеды на волнении не выдают наше место. Я индл взрыва торпеды, в полной готовности выставить на мгновение перископ.

Отдаленный глухой взрыв — мы попали в нашу цель.

— Поднять перископ! — Быстрый взгляд, и я увидел, как «Маджестико» тяжело накренился. Эскадренные миносцы приближаются. Их снаряды разрезали над нами воду, в то время как мы погружались на глубину шестидесяти футов. Начало было коротким, и мы легко ускользнули, идя под водой, пока не ушли достаточно далеко от опасного места. Через час я пробрался назад, чтобы

(Окончание на 3-й стр. обложки).

ПОД ШАТРАМИ СОСЕН

Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

1

СЕРЫЙ, ветряный субботний вечер — канун двух свободных праздничных дней. Многим захотелось провести эти дни за городом. С удочками, с тулками футбольными мячами, с принадлежностями для крокета, с теннисными сетками, а то и, просто, с купальным костюмом, завернутым вместе с едой в газетку, шумливые толпы горожан толкуются у остановок. Но автобусы и трамваи не в силах зачерпнуть сразу эти огромные людские толпы. И пестрыми потоками люди устремляются к заставам.

В дорожных сумках за плечами у многих походные палатки.

— Можно три ночи провести за городом! Но у морковно-желтой стены Страстного на каменно-жесткой дорожке бульвара разерывается необычное зрелище. Сотни ребят и девушек в бледнозеленых юнштурмовках, в вриках косынок, в ликах заломленных кзы, с пестрыми узелками в руках выстроились по всему бульвару колонной.

Колонна то шевелилась, как прибрежный тростник под веянием ночного ветерка, то застыла в покорной недвижности, как косятина. И люди шевелились и гомонили только в променутки между косяками.

— Эй вы, девчата, одрефайте! — слышались шуточные, чуть пренебрежительные голоса ребят. — Эхали бы лучше на дачу, собирали цветочки!..

— Посмотрим, кто первым одрефит, — уверенно отвечали звонкими голосами. — Храбриться рано еще!

— Чего тут рано, известно и теперь!

— А вот увидите, — с еще большим задором звенели девчата. — Наравне с вами пойдем, а унывать не собираемся.

— Вы бы красными сестрами шли, и то ладно. Где уж вам тащиться с оружием!..

Собравшийся комсомольский актив Москвы, отправляющийся на двухдневную военную учебу в лагерь.

Раздалась последняя команда. Взводы построились. Выпрямленная колонна упруго шагнула. Оркестр заиграл Первый военный марш, заглушая шум уличного движения густыми басами.

Лица торжественно вытянулись, слегка побледнели. Кто-то широко раскрыл застывшие глаза и так стоял в оцепенении, сдерживая дрожание губы.

Первый толчок, размеренный гул шагов, — и колонна двинулась, круто заворачиваясь, в праздничную и людскую Тверскую.

2

Скромный лагерь Осоавиахима пестрел белыми конусами палаток в прозрачной Покровско-Стрешнев-

... роты разошлись в разных направлениях и приступили к занятиям.

ской основной роте. Неизбежно Октябрьское поле примыкало к нему западным краем; с севера гудела поездками окружная дорога.

Дисциплина и тщательно слаженный порядок чувствовались не только в выдержке часовых, стоявших на верхней площадке и внутри, но и на каждой еле заметной мелочи лагерного обихода.

Прямо под открытым небом или под тесовыми зонтиками стояли шиты с вывешенными приказами, правилами, объявлениями. На бурных чешуйчатых стволах сосен пестрели расклеенные лозунги и плакаты. Желтые дорожки сверкали свежим оранжево-зеленым песком. Низенькие новые урны торчали на каждом шагу, как бы напоминая, что люди не забывали об их существовании.

Здесь каждый брошенный не к месту окурок свидетельствует не только о небрежности, но и о нарушении раз навсегда принятого порядка, несоблюдимейшего в условиях военной лагерной жизни. Всякое сооружение и приспособление в лагере имеет свое строго обозначенное назначение. В просторной «ленинской палатке» можно читать газеты, книги, журналы, писать или сыграть несколько партий в шашки, шахматы, но нельзя шуметь и курить. Но в «ленинской палатке» можно и читать, и курить, и смеяться. Под невысоким тесовым навесом с полсотней длинных узких скамеек и столов можно только обедать, пить чай, отдыхать и ни под каким видом не допускаются курение и плевки.

Вступил в лагерь, участники похода, внимательно присмотревшись к его расположению, приняли участие по палаткам. — Ого, да здесь лучше дачи! — восклицал высунившийся из-под палаточного навеса парень. — Чистые матрасы, новые одеяла... — Вы не загрязните только, — заметила девушка, откладывая свежее розовое одеяло. — Дома-то вы не знаете, что такое уборка постели.

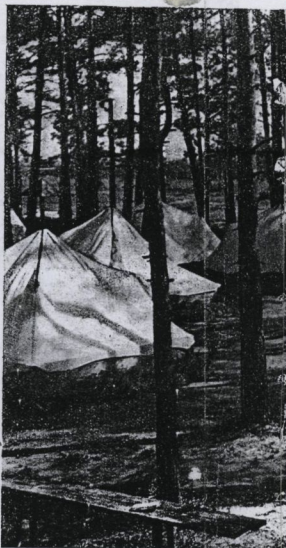
— Мы придем осмотрим потом, — оставила другое одеяло, но уже бирюзовое с белыми дорожками. — И про нерях в стеньгайте наших.

Дружно умылись над длинным, узким корытом и повалились в столовую ужинать. Поднялся неообразимая суетня, крики, спор.

— Шуметь в столовой не полагается, — заметили им. Крики резко спали на минуточку, потом послышалась глухая, но заметно растущий гул. Через минуту от снова заглушалась весь лагерь.

— Не привыкли еще, — услышался проговорил начлагеря Климовских. — Потом выравниваются, лучше не надо!..

Воводные и отделенные командиры еще раз напомнили о порядке. И всякий раз гул стихал на минуту, потом разостался снова. Наконец, сами галдящие стали призывать

... лагерь Осоавиахима.

себя к порядку, — одноразовые голоса. В такт махали руками притоптывали.

На лугу между еленпалатки на другой одиноко стоял стол вкрасной скатерти — ротораста ребят и девушек, кружась тамеи Шамилев.

Через полчаса открылось слегка поминувшим, безоблачным вершинам сосен осенсвета, падавшего из расщелин.

После приветствий, заняв выступил начальник лагеря, чени предпринятого похода, делать за короткий, двухдневный от самых участившихся. Он рассказывал, не распуская шутить так, что аучи и рупоклесали, но в то же время вско серьезность и значимость.

После его выступления, жение:

— Устроим соревнования! — А мы зываем жение стрельбу, — раззакорились ребята. — Примем вызов, — а боймса!..

— Не только на лучшую вые занятия. — Приминем!..

В серьезнейшей, крохотной работе прошел первый день, вмились с уставом лагерной жизни.

Рядом с палатками — стрелок конусами палаток в прозрачной сосновой роще.

енно крича десятками
ками, стучали ложками,

той» и открытой сценой,
од с полоскавшейся на
звернулась пляска. Пол-
жась и приседа, отля-
стальные подпевали в
дадировали танцующих.
собрание под открытым
ным небом. Высокие голу-
ещались узкой полосой
тотой палатки штаба.

щих не много времени,
Он рассказывал о зна-
е, о том, что нужно про-
дельный срок и что тре-
вое время лагерных за-
ульки и даже ухитрялся
вторая задорно смеялся
ремя каждый чувствовал
е его слов.

девушки внесли предло-

на чистую палатку!
скую роту на лучшую
обита.

акричали девчата,—не

стрельбу, но и на строе-

ливой и разнообразной
лагере. Сначала знако-
занятий, потом изучали

материальные части сружия. Проходили строевое
обучение и в составе одиночного бойца и в составе
целого взвода. Под вечер выходили на полевые заня-
тия по проведению и тактике боя. Некоторые если
часовую службу на внешних и внутренних постах.

На другой день после обеда и мертвого часа снова
предстояло заниматься в поле.
— Горнист неторопливо проиграл сбор, вытянув-
шись в стройную, прямую позу. Почувствовав
безразный полевой простор, над ко-
торым плыли небольшие светлые тучки, слег-
ка зеленоватые по краям, ребята загля-
ли «Буденновский». Вторая девичья рота, шед-
шая немного левее, запела свою веселую
песню.

Серебристо-зеленая березовая роща, ле-
жащая в ложбине, задумчиво шумела ли-
стовой. Миновав ее, роты разошлись в раз-
ных направлениях и приступили к заня-
тиям.

После обстоятельного объяснения как
нужно держать себя во время боя или при
появлении неприятельской эскадрильи, рот-
ный командовал:

— Рота!.. По взводам!..

Взводы разделились и установились пра-
вильными шасками в линию.

— Взводы!.. По отделениям!..

Сложаясь и залезав друг друга нога-
ми и оттопыренными локтями, ребята с шумом
выстроились, хотя и не совсем удачно.

— Шуму, шуму меньше, товарищи,—за-
метил командир Нешадный, прикладывая
свисток к губам.—Иначе противник сразу
заметит нас.

— Это там все орут,—полупотопом про-

говорил один, кивая на левый фланг.—Словно на
стадионе, черти!..

— Да, сегодня на «Динамо» интересные соревна-
ния,—с грустью и завистью промолвил другой с появ-
ющимся от бронхита горлом.

— Ну, ты, осел ревуший! Осуди его, ребята!
Растолковав, где находится противник и как вести
наступление, Нешадный отдал команду—«В бой!»
Но ребята тут же задали несколько вопросов о том,
что уже раньше было им растолковано и объяснено,
но забыто. Кроме ответа, им пришлось заслушать
совершенно справедливое замечание, что помнить
следует несколько больше.

— Не забудьте, противник занял во те бугры
и сильно укрепился там,—указал командир на буро-
зеленые, курившиеся синевой бугры.—Местность здесь
почти ровная, следовательно...

—... Нужно строго соблюдать строевой порядок,—
нашелся парень с завязанным горлом.

— Правильно!—с удовольствием подтвердил ко-
мандир, нарочно испытывая память ребят.

— Нужно соблюдать строевой порядок, иначе
противник сразу поразит огнем.

Наступление идет во-всю. Но отделения движутся
на противника все еще с шумом и неуклюже. Подается
команда остановиться, но отделения исполняют ее
всак по-своему. Вместо того чтобы развернуться
«змейкой», первое отделение залегает «шпечкой»,
остальные рассыпаются в беспорядке. Интервалы
получились не на пять шагов, а как только пришлось:
одни залегли вплотную, до других не докричавшись
полным голосом.

Залучу повторили раз, другой, и, наконец, ребята
стали усваивать команду и лучше применялись к
местности.

В остальных взводах и ротах занятия проходили
в таком же духе. Третья рота заметила «неприятель-
ский» аэроплан. Была подана команда замаскировать-
ся. Многие это выполнили удачно и быстро. Но не
обошлось и без потешных курьезов, растерянности:
один из ребят сначала поставил на землю винтовку,
прислонив ее к стволу, а сам полез для чего-то на
дерево; другой залез до половины туловища в рожь,
оставив ноги в ярких черных штанах на светлом песке
дороги.

Казалось, что девушки как в строю, так и при
усвоении команды и бесед об уставе и распорядке
гарнизонной службы отучились впереди ребят. Они
внимательно и серьезно относились к делу, и первые
призы по окончании похода получены ими. Вначале
потрудившиеся над ними ребята потом многое намо-
тали себе на ус, и ехидных шуточек по адресу деву-
шек больше не было слышно.

Девушки внимательно и серьезно относились к делу.

ИЗ ПОХОДНЫХ МОТИВОВ

Стихотворение Ник. ВЛАДИМИРСКОГО

Звезды
вдруг
неслышно отцвели.
Зеленеет
сквозь туман
восток.
И оружие
и рука
в пыли,
А холмистый путь
еще далек...

Да...
Во рту
сухую жаждой
зной.
Да...
Лицо
засек ветрами
дождь.

Конь идет...
и тонкою струной
дребезжит
предутренняя
дрожь.

Так рождается
стихов
отрица.
Не мойдй бессонной головой.
Онемела-ль,
отекала-ль
рука,
ты поводишь
передай
другой...

Слышишь:
в мерном шкоте
копыт

терпкий запах
поднимает стель.
Не жалея
про мягкую постель.

Ты из будель
внуками
забав.

Рано-ль,
позди-ль,
но в родной очаг
привезет
с тобою нас
борьба...

Вон
как
та,
в зардевших лучах,
далеко
поющая
арба.

ДВЕ РУБКИ

Рассказ Дмитрия ПЕТРОВСКОГО

Иллюстрации А. ТЫШЛЕРА

Мы поехали к Макошинскому мосту, получив приказ идти на Бахмач и, перейдя мост, развернуться по обе стороны: «Кицук—слева, Петровский—справа».

Когда ревнивый Кицук, увидев везущую на мост денкинскую кавалерию, крикнул «марш» и, пролетев у меня перед носом своими лихими сотнями, встал на мост, крича: «Не дам им, собачьим сынам, развернуться!» и почесал затылок, еще не поняв хорошенько, какого достойного дела я был лишен маневрами Кицука.

Но, видно, кавалерийский азарт Кицука был в нем сильнее расчета, хоть боевой азарт и носит в себе сердцевину расчета больше, нежели об этом можно думать. Расчет Кицука был в том, чтобы не пустить неприятеля развернуться,

перешедши мост,—и только. Но сверхрасчет боевого азарта был другой: разбить неприятеля дерзостью вызова.

Ведь, в'ехать конной колонной на узкий железнодорожный мост над пропастью реки — значит, попасть в клетку.

Такие зрелище могли представить вышупенные с двух концов в одну клетку, к одному куску мяса голодные львы и тигры.

И в железнодорожной клетке была назначена такая борьба, только не за мясо, и не за верев, а людей за человеческие права.

Думает ли человек об этом в такую минуту? Нет. Но он весь состоит из того, что он передумал за всю жизнь, и здесь—ставка и расчет за чистоту и достоинство его идей.

Здесь побеждает не рука (не только рука и не сноровка), но дух.

И Кицук одним маневром показал, как верит он в то, за что поносся драться.

Я же оказался временно созерцателем самой изумительной картины, какую я когда-либо видел в жизни.

Я видел, как волею за головой (которой был Кицук) на мост мощными, гибкими движениями лопотного зверя ринулась и вся масса двух сотен всадников.

По неравности этого движения можно было уже судить о страшной его силе. Это был порыв. И первый раз в жизни я так наглядно видел связанность живого в жизни. Голоса самого стройного хора не могут слиться так согласано, как слились в одном порыве двинувшиеся конники.

Это было первое впечатление от движения Кицука.

Неприятель, в'ехавший на мост безо всякого порыва (занятый собственной спесью), был уничтожен уже одним этим лихим маневром Кицука, и то, что называется паникой, мигом овладело врагом.

Но повернуть спины было бесполезно. Да вообще развернуться в клетке моста не было никакой возможности.

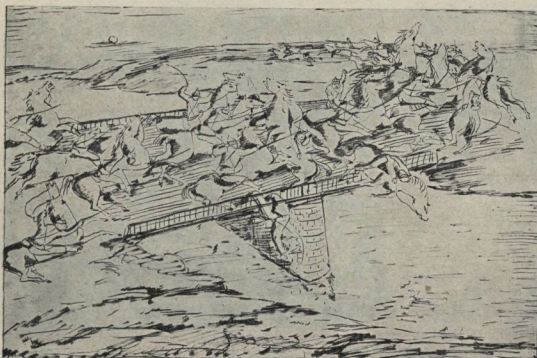
А Кицук, не став ни на секунду внятого ритма, уже врубился в эту дрогнувшую на секунду массу.

Эта рубка стоит передо мною и сейчас, как видение,—жесточкая, но ни на одну секунду не неприятная.

Такова сила ритма, сила революционного порыва.

И когда раздался первый ляг клинков и жалобный и грозный крик и хрип, и фыряние коней, и ругань, то никакому Бетховену невозможно было бы создать эту музыку, где каждое падение тела и каждый стон коня, и каждый взмах сабли, и каждый предсмертный крик слиты и вальты общей лавой в форму, и каждый момент бесперывного движения—статичен и моментален.

Быть может, умение увидеть все это так, примерно, как я описал, не раздробленным на части, а целым и понятным, как единство, сохранило меня тогда от

...на мост мощными, гибкими движениями... ринулась и вся масса двух сотен всадников.

преждевременных седин и дало возможность сохранить силу для своей очереди. Также сохранились и мои кавалеристы.

Я не мог видеть сквозь сетку моста детали самой рубки, и, кроме того, я находился в уловии, то есть в безумии боя задолго, прежде чем сам вступил в бой.

Я только вынес на него то ритмическое состояние, которое я нахожу каждой день по утрам, занимаясь гимнастикой. В особенности осталось, передающееся при помощи моторной памяти это ощущение в плавных приседаниях, по привычке «облегчающееся» почти в течение суток (то есть приветствуя на стременах). И мои ноги чувствуют себя отсутствующими, и мне кажется, что существует только половина меня, если я утрую не слепаю плавных приседаний.

Я по походке отличаю тех, кто сохранил еще этот ритм.

Печи, носившие карабины, и интонация командовавшего голоса и ноги, сопротивляющиеся морю на палубе,— все это вещи прочные, надежные.!

Мы собирали трупы после боя. Я не узнавал убитых товарищей—это правильный инстинкт.

Узнать, вспомнить живого, разжалобиться—значило продать то, что они хотели купить своей смертью.

По убитому в бою не плачут. Мы собирали убитых, как разрозненные в бою патроны, и только недоузданные и раненые на минуту открывали представление об ином разрезе жизни. Но оно тотчас же закрывалось волей, как захлопывается диафрагма просвет в фотоаппарате.

Рубка Киука должна стать примером всякой рубки, если мне удалось ее передать в основном.

Но вот другая рубка тех же дней.

Я пробрался с товарищем в глубину неприятельского окружения после разгрома наших частей под Бахмачем (вскоре после первой рубки).

Три полка 57-й дивизии скрылись бесследно, обнажив наш боевой участок, и нечего было и думать с передовой кавалерий итти на прорыв, не учтя предварительного положения, потому что иначе участок остался бы совершенно оглоленным.

Мы наделись наткнуться на своих в этом селе. Село звалось Курень и было километрах в двенадцати от Бахмача—была неприятеля.

И мы ушли в угла уливом, освещенной дмухой, блеснула погonya и развалился похаживый смех идущих на нас белогвардейцев. Мы неожиданно оказались лицом к лицу.

— Кто идет?—закричал один, поустая.

— За шитники пролетария а! —отвечали мы, сговорившись, и остановились, не делая ни одного движения.

Так прошла минута, в которую оглушенные белые (их было человек восемь) прихилили в сознание.

И мы ушли у них из-под носа, оставив их гивиться своему собственному обделению.

За линией железнодорожного пути мы, наконец, наткнулись на один из своих полков, который, оказалось, еще не был погублен. Командир его беспечно спал на возу на чистом воздухе под дикой грушей и никак не хотел ввязать в толк, что

он окружен; едва мы ему это втолковали и заставили принять боевой порядок.

Но наша задача заключалась не в этом. Держась линии на Конотоп, мы прошли весь рассвет лесами и, только что сели пожевать сухаринку, набрешли на очень красивую круглую лесную полянку, как точно же за это и расплатились.

Нам суждено было на этой полянке увидеть зрелище, ужаснее которого представить нельзя.

Едва мы спрятались, слышавш растущий топот по направлению к нам, в наваленных валежниках, как на полянку вымчались денкинские кавалеристы, безжалостно гнавшие перед собой пленных того самого полка, командир которого спал под грушей (номер этого полка мне не хочется называть).

Смертельно загнанных, избитых пленных (их гнали во весь карьер) разогнали

дось наше дальнейшее счастливое движение вперед (на юг).

На другой день на станции Бахмач с бровеника, на котором я угощался кукурузой и отдышал от пережитых дел, я заметил разгуливавшего по перрону станции человека, всем напоминавшего собой моего вчерашнего сподвижника. Вся раница была в том, что тот был черноголов, а этот с совершенно своей головой. Стоял жаркий день, и он, сняв картуз, отирал пот с шеи платком, когда я его заметил.

Я моментально прыгнул с бровеника и побежал к человеку, чтобы убедиться, что я не ошибаюсь. Это был он.

Видно, очень диким показался ему взгляд, каким я посмотрел на него, потому что, протягивая мне руку, он улыбался неопределенной улыбкой, не понимая, что со мной.

... пленных разогнали по полянке кружком и... занялись рубкой по живой мишени.

по полянке кружком и, захав с тылу и с середины, занялись рубкой по живой мишени.

Это было не спешное зверство, а смакующее издевательство садизма. Те, что рубили, медлили в этом занятии.

И однако—что потрясает больше всего—ни одного крика, ни жалобы, ни одной молбы о пощаде не издали люди, которых рубили. Они стояли и ждали удара, лишь пожимаясь плечами да закрывая глаза поднятой рукой—локтем или ладонью.

Мы оба видели все это и не могли отвести глаз, но не сделали ни одного порыва, понимая, что он погубит не только нас, но, вместе с нами и ту задачу, которую мы еще не выполнили.

Мы подыались из своего прикрытия после ухода денкинцев и имели мужество следовать дальше по намеченному маршруту и к намеченному заданию, которое и выполнили.

Мы связались с прохажившими по линии на север частями и сняли с швелона башкиров, шедших на Юленюка, для односторонней операции на нашем участке, вырубившей его.

Два полка были отбиты, и колебавшееся положение на этом фронте получило впечатлительный толчок, с которого и нача-

Я совершил преступление. Не отрицая, чем это может кончиться, я потащил уральца к окошку вокзала, темную изнутри, и показав ему его отражение в стекле (место зеркала).

Мой сподвижник поглядел и только на секунду понял, на что я обращаю его внимание, а вслед за тем он навсего потерял понимание всего окружающего—сошел с ума.

Это была реакция на пережитое. От зрелища немой рубки, которую мы наблюдали в лесу, он только пошел, но от зрелища своей седой головы впал в помешательство.

Дело психоневрологов разгадать эту шаряду.

Я думаю, что он в момент наблюдения за рубкой был недостаточно активен или не разрядил ничем напряжения, созданного этим зрелищем. Я точно же после этого участвовал в бою: повел башкиров и был с ними в атаке. Оттого, может, и остался цел. А он должен был возвращаться в подполье.

Видно, боевые потрясения калечат людей только тогда, когда смешиваются два плана. Одно дело—бой, и другое—организация подполья.

Для того и другого нужно различное сознание и качество напряжения.

... точно же сменил прозодежду... и затянул галстук.

ЯРМАРКА НЕВЕСТ

Очерк и фото Ив. КУДРЯШОВА

ПОСЛЕ работы Витка Власов точно же сменил спецодежду на пылчатый костюм и затянул галстук. Вышел на улицу.

Длинная пыльная дорожка, окаймленная зеленым ковриком с опушкой из постриженных кустиков, заполнена прогуливающимися.

На север доносятся звуки баяна, ляг стекла и пьяный говор из близлежащей пивной.

С дребезгом пробегает «Верочка», точно пёс на цепи гремит прицепной вагон.

В сквере Витка встретил (и так случается каждый вечер) Кольку Бочина и Мотьку Шилова. Сидя на лавочке, они сплевывали шелуху подсолнухов.

— Так и будем здесь торчать, а? — остановившись против них, спросил Витка.

— А то куда же? — безнадежно склонил голову Бочин.

— Разве в пивную? Да монеты нет, — улыбнулся Мотька.

— Совсем ничего? Ни копейки? — удивился Витка. — Может, наскребешь.

В сад к Карлы-Марлы пошли бы.

— Полтинник будет, — вымысал на ладонь Мотька все медные и серебряные.

— А у меня рублевка. Идем!

— А я что... задаром? — зло засмеялся Колька.

— Брось, трепаться. Делов-то! Отдашь! Пошли! — Витка стащил Кольку с лавочки, тот упал на колени. Поднявшись, пошел за товарищами, отряхи-

вая с брюк пыль. Оглядывался в сторону пивной.

«Полтора рубля — пять бутылок», — прикидывал он.

Серый асфальт панели и серый бетон забора слились угольным, бесконечным кольцом охватив товарную станцию Нижегородской железной дороги.

Входя в это кольцо не видно. Ребятам здесь все знакомо. Они упорно шлифуют асфальт и, наконец, сворачивают под арку с надписью: «Сад клуба имени Карла Маркса — клуб железнодорожников».

В глубине двора, под стеклянной крышей, — паровозные мастерские.

Вправо, за зеленым забором, словно в трапе сверчок, трещит киноаппарат.

У Витки руки не дрогнули заплатить тридцать копеек, чтобы миновать контролера.

За густыми кустами мелькают пестрые афиши кино. Нечто похожее на фонтан брызжет на дорогу и кусты. Снуют пионеры, их головы мелькают за высокой травой.

В театре, несмотря на десятый час, начался только первый сеанс.

Мотька прилип к афише, на которой улыбалась декольтированная женщина.

— Ребя... Одна одной хлеще. Гляди... — «Невеста боксера», «Зеленый перунок», «Яд», «У позорного столба», — читал Мотька.

— Идем посмотрим, что еще тут есть, — потащил ребят Витка. — Прошлый год тут кое-что было.

По узким дорожкам шли гуськом, по минутно задевая прохожих.

— Вот здесь был тир, теперь нет. Гляди, и кегельбан тоже закрыт. Здорово! — удивлялся Власов.

Колька стал ругаться.

— Тут закрыто, здесь закрыто. Говорил — лучше в пивную. Чорта тут делать!

— Кинушкин один. Музыка в субботу и в воскресенье.

Большинство посетителей сада, густо усевшись на скамейках, терпеливо ждут второго сеанса.

— Преложение! — сказал Витка. — Денег осталось рубль двадцать. Две пары пива — мало, не стоит мараться. Пошли по этому случаю к Пряникву, Там лучше.

— Идем, чорт с ними. Все одно нехорошо. — первый согласился Мотька.

— Пойдем, что ли, — промямлил и Колька. Ему теперь было все равно куда идти. Последняя надежда на пивную потеряна. Денег мало.

У городских боен на колокольне звонарь выбивал несеть часов.

— И вот тянут... Словно хоронят... — промчал Колька.

— Сам себя хоронит... и людей опутывает: по их звону часы нельзя проверить. Брут, — об'яснил Мотька, — через них на работу не раз опоздал.

Вот и решетчатая ограда сада «им. Пряникова». Над касой дощечка: «Входные тридцать».

Заплатили. Две арки, унизанные разноцветными точками электрических лампочек, делают сад на две половины.

Левая — шумливой. Сюда ребята и шли, Сухие щелчки за забором и плакат «учись стрелять» привлекали к себе.

— Стрельнуть не мешает!

Зашиш в тир. Хлопают выстрелы. Звонко падают «мемберлены», «зайцы»...

— На троих шесть выстрелов — мало.

Пошли туда, стукла слышался шум и грохот катающихся шаров.

Кегельбан. Публика плотно прилипла к барьеру.

Привстав на носки и кого-то оттолкнув, Мотька заглянул за барьер.

Вот и решетчатая ограда сада...

— Важно, ребята, да опять деньги,— обернувшись должил он товарищам.

Постояли. «Послушали» как катают шары.

Чуткое ухо Витьки поймало знакомый стук за театром.

— Пинг-понг... Мотыка, идем. Небось, бесплатно.

Долго ждали очереди. Колька Петерья терпеливее, подошел и отнял ракетку у играющего внутри.

— На минутку. Давно вола крутите. И другим нало.

Скандаль. Спасибу милиционер распустил в их пользу.

Мотыка и Витька занялись игрой. Колька же, сделав доброе дело, пошел по саду.

Словно разрезанным пополам апельсин и выпотрошенный внутри — встрада оркестра.

Стонут скрипки, сердито ревет виолончель и нервно рассыпают фасоль барабаны.

«Толково играют, а гармошка куда луже»,—полаумил Колька, вспоминая

По боковым аллеям —суета. Торопливые шаги. Бросание взглядов по сторонам, быстрые и ловкие мазки карандаша. «Барышни» ищут!

Молодые люди в «шикарных» костюмах не скупятся на комплименты.

Если на фасаде арки написано: «за разумный отдых», то позади ее, под густой тенью деревьев где-то скрылись другие, всеми усвоенные слова — «любозный отдых».

Закрывтый театр привлекает к себе постановками: «Роз-Мари», «Жидовка», «Альбина Мегурская» и «Красный Мак», и цены от 60 к. до 1 р. 70 к.

Тир, кегельбан, шашки, шахматы, пинг-понг и лотерея Госзагата — все это пахнет новым бытом и только.

Витька и Мотыка «гонимы» нужное количество парней и пошли на розыски Кольки.

Польживая папиросами, влились в живой поток.

— Разрешите прикурить! — Витька остановился. Мотыка пошел дальше.

При вспышках папирос Витька видел лоснящиеся краской алые губы, вывазовавшиеся большие носы.

Мимо пошла «зеленый шарф» и Колька. Он окликнул ребят. Подошли.

— Познакомтесь! Ирма! — представил Колька «барышню». — Манька! Откуда ты Кольку знаешь? — вдруг выпалил Витька, хватая за руку Ирму. Та смущенно замялась.

Колька в недоумении смотрел то на Витьку, то на Ирму.

— Что тебя нигде не видно! Где работаешь? — спрашивал ее Витька.

— Все там же. На «Красной Звезде», почти шопотом, наклонив голову, пробормotalа и бросилась бежать.

— Маруся! Маруся!.. Постой-ка!.. — крикнул Влазов.

Киноартистка! Задржала!.. — ругался Колька. Он рассказал ребятам про «артистку». Мотыка ржал, как лошадь.

— Пошли домой! Им можно! — обижено кивнул Колька в сторону гуляющих.

— Спать, так спать! А ловно она тебя одурочила!

— Так и нало! — смеялись ребята.

Скамейки заняты парами.

— Кто кого? Я тоже подаправил! Не кто иной — бухгалтер и жалованья 300 р. да награду! Похлеще артистки — закатывался Колька.

Районные сады заполнены публикой нерабочей, бьют по рабочему карману. Кажется бы, при такой высокой входной плате (30 коп.) можно все attractions сделать бесплатными.

Кроме пинг-понга и шашек, за все гони монету. Молодень брошена на произвол судьбы.

Игры, физкультурные занятия должны занять первое место в садах. Их нет там. Сады превратились в ярмарки невест.

Райсоветы должны найти меры для осуществления лозунга «За разумный и общедоступный отдых».

Может быть, райсады следует сделать филиалами Парка культуры и отдыха?

ВХОДНЫЕ
30к.

Над кассой дощечка...

свою двухрядку, и свернул в боковую аллею.

До уха его долетело:

— Как вам не стыдно. Обещали в 10, а приходите в 11.

— Женичка, во-первых, 11 нет, во-вторых...

Кольку слегка подтолкнули проходившие девушки.

— Посторожнее, — пробасил он.

— Что вы говорите, — засмеялись они и замедлили шаг. — А если нечаянно?

— Я не против, но все-таки... — вежливо заговорил с ними Бочин, и уже заискивающе. — Разрешите познакомиться.

— Лулава Инна.

— Тулава Ирма.

Он назвал свою фамилию и пожал обени руки.

— Какие у вас приятные имена.

— Мы артистки... из кино, — поманивая сумочкой и стреляя белками глаз, жеманно сказала Ирма.

Колька был рад знакомству.

«Чудно! Артистки, а не из гордык! Не загигаются!» — думал он.

Незаметно Инна их оставила вдвоем.

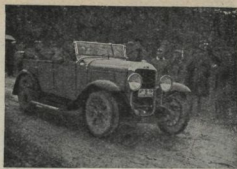
Когда она попала навстречу с «кавалером», Колька удивился.

В правой половине сада, за открытым театром, не видно движения гуляющих. Свет одинокого фонаря, пробиваясь сквозь зеленую листву, освещает пятнами дорожки. Скамейки заняты парами. Шопот. Иногда сдержанный, пискливый смех девушки нарушает тишину этого края. Ни одной пустой лавочки.

Колька с Ирмой заняли свободный кусочек скамейки. Сюда лишь случайно забредет одиночка и, как бы испугавшись, торопится повернуть обратно.

— Как вам не стыдно! Обещали в 10, а приходите в 11.

Автопробег Москва—Нижний—Москва. На фото конкурент «Форда» — «Шевроле».

Мы стартовали из Москвы на шоссе Энтузиастов в субботу 20 июня, в 3 часа на рассвете.

Маленький красный флажок застыл в руке стартера. Наша машина «Делона-Бельвилль» насторожилась, как хищница, готовая броситься на мирно пасущуюся жертву.

— Вниманию!
— Хоп!

Красный флажок стремительно разрезал воздух. «Делона-Бельвилль» вдруг затрясся всем своим металлическим телом, неистово зарычал передвигаемыми рычагами скоростей и в бешенстве кинула на шоссе, оставляя сзади себя клубы вметнувшейся пыли.

Сонные домики окраин вокруг закачались, как пыльные, и поплыли назад.

Было свежее и бодрое утро. На горизонте голубело чисто вымытое небо.

Стрелка спидометра, вдрагивая, ползет вверх.
— 50, 60, 70, 75 километров в час!

Впереди нас идут пять машин. Сзади пойдут еще 18.

Догнав впереди мчащиеся машины, заставить задние даже не помышлять о возможности нагнать нас.

Стрелка скорости отмечает уже 85, 90 километров.

Наш «Делона» легко и уверенно мнет под себя дорогу. Он с силой налетает на железнодорожные камешки, и через мгновение они звенят о железные крылья машины.

Впереди вырастают очертания Богородки. Домики его окраин кажутся ничтожно маленькими. Через две минуты мы без остановки пролетаем по безлюдным улочкам. Богородск уже позади, мы снова выезжаем на ровное и мягкое шоссе. Вот почти у самой дороги мирно пасутся коровы и лошади. Пастух услы-

Перед стартом. Водители получают путевки.

СОСТЯЗАНИЕ СИРЕН

Очерк Ильи ЗАСЛАВСКОГО

шал предупреждающий рев сирены. Он быстро отогнал от дороги корову и остановился у самой жезы.

Он вынимает рожок и становится лицом к мчащейся на него машине. Нежная пастушка трель бежит навстречу звонкому рёву сирены. Лошади наугадно прядают ушами.

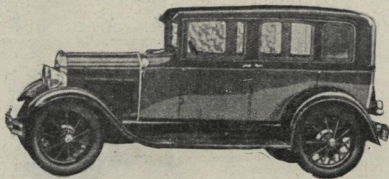
Мы приветственно машем пастуху руками. Он провожает нас, уменьшаясь в наших глазах.

Недалеко от Покрова, километрах в трех впереди нас мы замечаем поднимающуюся от шоссе молочную пыль.

Наш водитель тов. Ровенко, крепкий мужчина, с необычайно широкими плечами, изо всей силы нажимает педаль. По всей его напряженной фигуре мы ясно видим, что ему хочется во что бы то ни стало «нагнать».

— Держись! — предупреждает нас Ровенко.

С силой нас подбрасывает вверх. Машина со всего размаха подпрыгивает на том месте, где шоссе прорезается бугорком деревянного мостика.

«Форд» типа «А».

Стрелка скорости, между тем, неумолимо ползет вверх. Мы уже ясно замечаем очертания мчащейся впереди машины и начинаем гадать, какая это машина.

— «Бьюик»?

— Нет, кажется, «Форд».

— Ну, «Форда» нам не нагнать, — скептически заключает нашу дискуссию Ровенко.

«Делона» почти навис на кузов противника. Ровенко сильнее нажимает кнопку сирены, но противник не хочет уступить дорогу. Мы почти насаедем на него сапоги. Противник еще минуту колеблется и потом, нехотя, подлаваясь неумолимости напора «Делона» отходит немного в сторону.

Мы обгоним «Бьюик». Мы мчимся со скоростью 93 километра в час.

Встречный ветер хлещет, точно кнутом. Маленькие пылинки колют, словно иголки. В уши летит шум ветра, похожий на гудение пропеллера.

Мимо пролетает Покров с множеством церковных куполов. Вот на деревянных ножках проскочила преземистая девушка. Наша машина начала капризничать: в таковом ее поршне что-то начинает «стрелять». Ровенко уменьшает скорость. Он явно недоволен. С оглушительным ударом лопается задняя покрышка. Лохмотья резины бьют по крылу. «Делона», вспотевший и горячий, останавливается. Мы вылезаем из машины. Случился про-

кол—самое большое наказание в пробагах. Мы теряем надежду закрепить за собой пятое место. Мы задержались не меньше, чем на полчаса.

— Осмотри карбюратор, — кричит Ровенко контролеру, а сам в это время сам идет покрываку.

— Смелей, смелей, — нервничает Ровенко, — а то время дорого.

Через несколько минут прочмчался тот самый «Бьюик», который мы недавно нагнали.

Через пару минут прочмчался другой «Бьюик».

— Если бы нас «Делона», был новый, — чорта с два бы нас нагнали! — говорит Ровенко. — Мы бы им наставили. Ровенко быстро натгивает на обод покрышку.

— «Делона» — добрая машина. Ей уже 4 года. Она за это время сделала 39 тысяч километров. А вот, молодец, состязается с такими соперниками, как «Бьюик», «Форд».

Ровенко гладит машину, словно доброго и верного коня.

Через полчаса мы снова тронулись в путь. За это время нас обошли пять машин. В 6 часов утра мы приехали во Владимир. Здесь мы брали бензин и пополнили воду. Нам окружили сонные владимирские граждане. Они шутили жадную вновь прибывающую машину и с видом знатоков долго спорили об ее достоинствах и недостатках.

Когда мы уже были готовы к отъезду из Владимира, к нашей машине подошел командор пробега.

— Товарищ, — обратился он ко мне, — с этой машиной поедет член комитета пробега. Я вынужден был уступить настоянию командора. Мне жалко расставаться с «Делона», и, в особенности, с водителем Ровенко, этим человеком со спокойной уверенностью в лице и крепким телосложением.

На мое место садится член комитета пробега. «Делона» срывается и убегает. Я остаюсь во Владимире ждаль «Мерседеса», у которого сломался ресора, и на котором сидел пресловутый член комитета пробега.

В 7 часов утра «Мерседес» был готов к отходу. Я сел рядом с командором. «Мерседес» рванул сразу. Если «Делона» похож на спокойного и крепкого коня, то «Мерседес» походит на молодого и сильного тигра. «Мерседес» проглатывает шоссе, как дракон. «Мерседес» — это машина темпераментная, с горячей и

Остановка в пути. Контролер записывает время, истраченное на просмотр мотора.

пламенной хваткой. Но вместе с тем «Мерседес» — машина нежных кровей: он любит чистый бензин, без всякой примеси. И когда одна тридцатая капля воды случайно попадает в бензиновый бак, «Мерседес» начинает откровенно кашлять. Он явно начинает хрипеть, и водитель вынужден часто останавливаться, — это нервирует.

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть одну за другой наступающих на нас машин. Стрелка часов движется к 9, 10, 11 часам утра. Мы идем со средней скоростью 60—70 километров в час. Мы часто останавливаемся. Водитель вертится около карбюратора, щупает pokrышки, проверяет нагрев воды.

Перед Новгородом шоссе идет хороше и ровное. «Мерседесу», наконец, становится стыдно, и он начинает нажимать на скорость.

Около часу дня мы, наконец, замечаем ленту финиша. Военный оркестр играет тушу. Мы занимаем 15-е место.

Лица у всех нас — участников пробега — грязные, но мы чувствуем себя бодро.

Захватывает эта бешеная скорость, спортивное желание обогнать друг друга. Первым к финишу в Нижний пришел «Форд» типа «А». Тот самый, который будет строиться на будущем автозаводе под Нижним.

«Форд» чувствует себя победителем по праву. Он покрыл расстояние от Москвы до Нижнего, равное 450 километрам, в течение 4½ часов, развивая скорость до 105 километров в час. Он показал прекрасную выдержку, выносливость и подтвердил правильность выбора его как нужной и подходящей для нас тип машины.

К трем часам дня к финишу прибыли почти все машины, за исключением «Катен-де-Гута», у которого на 69 километре от старта сломался валик масляной ленте. Машина вынуждена была вернуться обратно в Москву. И у нашего отечественного «Нами» сломалась рулевая опшка. «Нами» потерял направление и меланхолично «вехал в канаву». Остальные две «Нами», участники пробега, благополучно справились со своей задачей, успешно выдержав состязание с более мощными машинами.

По команде командора все машины тронулись в Сормово.

Хорошо встречали нас сормовцы. Они выслали нам навстречу свой очередной новенький сормовский паровоз, — их еженедельную продукцию. Завидя машины издали, паровоз приветствовал их мощно разрывающимися в воздухе металлическим гудком. Машины отвечали ему гудением сирен.

В воскресенье мы едем парадом в Нижний. Здесь мы осматрив место, где должен строиться первый в СССР крупнейший автозавод-гигант.

Еще не решено точно, где будет строиться завод. Есть два места под Нижним: Гнилицы и Мыза. Сейчас работают две комиссии: гидрогеологическая и геологическая. Они испытывают почву, изучают грунт, чтобы выяснить, какое из этих двух мест наиболее подходящее для будущего автозавода. Через 10 дней работа этих комиссий будет закончена.

В беседе с журналистами, участниками автопробега, член правительственной комиссии по строительству завода инженер

Яворский сообщил, что вероятнее всего завод будет строиться в Гнилицах.

— Через месяц, — сказал он, — завод уже начнет строиться. Вначале будут возведены сборочные цеха. Готовые части машины «Форда» будут прибывать в СССР, и в этих корпусах под Нижним они будут собираться конвейерной системой. К концу года сборочные цеха смогут выпустить 2 тыс. автомобилей. Через два года — десять тысяч, а через три года завод будет закончен и начнет выпускать 25 тысяч машин в год. Через четыре года советский автозавод в Нижнем выпустит 50 тысяч машин, а к концу пятилетия 100 тысяч. Такова намеченная перспектива его производительности.

Завод будет оборудован по последнему слову техники, с гигантскими электрическими кузнницами. Параллельно строительству завода пойдет постройка фабричных горок, клубов, школ для двадцати тысяч рабочих, которые будут заняты на заводе. Воспитание квалифицированных кадров для завода должно начаться сейчас же. Сотни молодых рабочих будут посылаться в Америку на заводы «Форда», чтобы научиться собирать машины.

Через год из Нижнего уже потекут первые «Форды» советского автогиганта — первые ласточки автомобилизации СССР.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

БЕЗОПАСНАЯ ЛАМПА ДЛЯ РУДОКОПОВ
(Фото вверх)

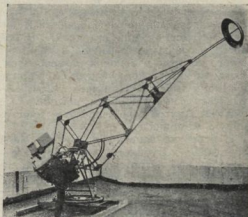
В английских копях впервые стала употребляться лампа, автоматизирующая процесс поворота ключа в нижнем конце ее. Поворот ключа вызывает искру, и лампа самозажигается.

РЕКЛАМО-ПРОЕКТОР
(Фото вверх, справа)

Гигантский небесный проектор построен на крыше здания фирмы «Стерри-Дикерсон» в Бруклине (Америка). Силою 400 миллионов свечей. Проектор передает на облака картины и объявления, которые ночью видны на расстоянии нескольких километров. Проектор сконструирован так, что он управляется всего одним человеком.

ЗУБЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
(Фото вниз)

На заводах Круупа в Германии поставлено массовое производство искусственных зубов из нержавеющей стали, которые вполне заменяют дорогостоящие золотые зубы. У нас в СССР на Златоустинском заводе уже приступлено к изготовлению таких зубов.

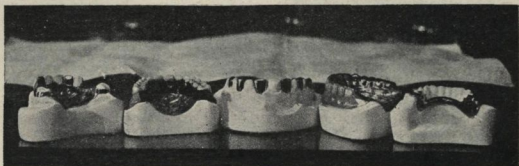

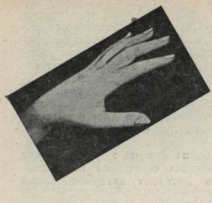
СКЛАДНЫЕ ЛОДКИ
(Фото внизу)

За границей для курорта выделяются лодки нового типа. Лодки эти складаны из резины, в сложенном виде такая лодка может поместиться в саквояже, а для употребления ее надувают воздухом обыкновенным велосипедным насосом. Вес лодки около 4 кг. В лодку вмещается 2 человека.

меститься в саквояже, а для употребления ее надувают воздухом обыкновенным велосипедным насосом. Вес лодки около 4 кг. В лодку вмещается 2 человека.

Спои

лакированных

О КОЛО сотни писем-откликов получено редакцией по поводу переписки комсомолки Мери и комсомольца Дубилета, опубликованной в № 10 «Смены» под заглавием «Возмущение лакированной».

Возобновим в памяти читателей обстоятельства дела. В № 4 «Смены» за 1929 год была напечатана корреспонденция Дубилета «Комсомол или старичок? В ней автор рассказывал о некоей комсомолке Мери, которая в поисках разнообразия, уюта «и интересного общества» пришла к такому выводу: «Нам, женщинам, связываться с комсомольцем нет никакого смысла. Другое дело «зацепить» какого-нибудь «старичка».

В ответ на заметку в «Смене» Мери обратился к Дубилету о письмом, в котором она высказала свое возмущение его критикой. Дубилет ответил своей корреспонденцией. Оба эти письма и были опубликованы в «Смене» (№10) под заглавием «Возмущение лакированной».

Приводим основные положения, высказанные Мери в ее письме: 1) стихотворением неизвестного автора Мери жалуется на свое одиночество «пустый мир мне стал... Одна среди невзгод и жизненной тревоги...прошла по скользкой и дороге, вращаясь среди нахалов и невзгод... 2) Мери утверждает, что «как женщина она, все равно, обречена на беспартийность», 3) она отвергает мысли о брачном союзе с комсомольцем; «они — пусты и легкомысленны, не способны по своей ветренности и развращенности создать уют не только для девушек, которые связываются с ними, но и для самих себя».

Письмо Мери интересно тем, что оно внешние признаки лакированности — чрезмерное пристрастие к моде, стремление выделиться себя как человека «благородной породы» и брагливое отношение к «смертным» — расширял целой системой настроений и взглядов, т. е. повеле идеологический базис под понятие «лакированности». Поэтому оно и было поставлено редакцией на дискуссию.

Как же отнеслась комсомольская общественность читателей «Смены» к попытке Мери оправдать себя?

ПОДАВЛЯЮЩЕ БОЛЬШИНСТВО Т.Т., ОТКЛИКНУВШИХСЯ НА ПЕРЕПИСКУ МЕРИ и Дубилета, ОСУЖДАЮТ МЕРИ, и лишь отдельные отклики берут под свою защиту. Насколько основательны и справедливы те и другие?

ОСУЖДАЕМ!

Мы не будем приводить те отклики, содержание которых сводится только к требованию искоренить Мери из комсомола. Интересны те отклики, которые, не менее строго осуждая Мери, вместе с тем анализируют понятие «лакированности». Выдержки из этих откликов, расположенные в известной системе, как бы составляют маленькую энциклопедию комсомольской оценки явления лакированности.

В чем основной порок лакированных?

На этот вопрос интересно отвечает тов. КАЦЕЛЬСОН (г. Могилев):

«У Мери и у подобной ей критикующей комсомольские нужды, классовые интересы она выказывает нулевой и никакой, объективную работу она прикрывает словами: «если судьба угодно... «бже мой, чужой брак и т. д. и для комсомольца они стали уже чужды. Но не исключение Мери из комсомола исчерпывает вопрос. Факт слабой работы комсом. организации с социальными близкими нам классовыми массами, которую мы выдвинули на работу и которая потом от нас отпала — назадо».

Смысл философии Мери.

Многие товарищи обратили внимание на странный смысл стихотворения в письме Мери, которое она привела, как отвечающее ее настроениям, и которое, по справедливому замечанию тов. А. ПЕЧУРИНОЙ (г. Камышин), «разоблачает Мери до такой степени, что, как в зеркале, отражает все ее недостатки».

«Что значит слова: «Пустыней мир мне стал и в мире я одна» — спрашивает тов. ФИНБЕ (г. Сталинград), цитируя это стихотворение — (Как пустыней мир? Где он? Уж не в Союзе ли коммунистический мир? Неужели Мери сломилась в Союзе? Или в Москве ли? Неужели Мери воображает себя Робинзоном на каком-то необитаемом острове? А еще дальше Мери добавляет словами: «Бездельно лучшая зарплата в коммунистическом мире? Неужели Мери водит... Что значит эти слова? Неужели Мери считает преступные воль своего нахождения в комсомоле напросто потраченным временем? Неужели».

Мысль тов. Фалева возрастает тов. ПОЛЫНИН (гор. Марганец):

«Из этих стократ подливаемых пролетариату сказок, что мир для нас — пустыня? Кто из стократ подливаемых комсомольцев скажет, что вся жизнь исчерпана, все системы пережиты? Для кого исчерпана жизнь? Кто отжил всю жизнь?».

О культурности и о лакированности.

Вполне отчетливые формулировки даны товарищами и на этот вопрос, в котором Мери безнадолго запуталась.

«От девушки никак не требуется того, чтобы она ходила вранда, обрешанная и т. д. Нужна ли нам заключенная в чистое тело, в свертности одежды, но не в «моды» и «камере», кото-

рые существуют с целью привлечения «кучки на моды».

Краснодарец В. А. ВАЛИКОВ (Севастополь).

С этим мнением совпадает и мнение А. Филиппчука (Москва):

«Достаточно одеваться просто и чисто, чтобы быть и не «лакированной» и не «врандой».

Кто же она, Мери?

Переходя от общих оценок явления лакированности к личности Мери, авторы откликов делают следующие выводы:

«Мери, конечно, является воплощением того типа комсомолки, которые склонны к ДЕГРАДАЦИИ, т. е. к постепенному понижению жизненного и общественного уровня».

С. ХМУРЫЙ (ст. Алафино)

«Я была первой» — пишет Мери, говоря о своей первой активной работе в комсомоле. Да это было вчера. А сегодня Славка Мери — первая пожит красной жизнью. То, что для нее вчера было красиво и хорошо, то сегодня ей «страшно».

А. П. БЕЛКИН (г. Красноярск)

«Мери уже отпала от комсомола, даже сама этого не замечая».

А. ФИЛИППЧУК (Москва).

Из подобных оценок Мери неизбежно отрицательное отношение авторов откликов к вопросу о пребывании Мери в комсомоле.

КТО и КАК ЗАЩИЩАЕТ МЕРИ?

Среди защитников Мери (их, purtroppo, меньшинство в общем числе участников дискуссии) мы обьемем тех т.т., которые строят свою защиту на обвинении т. Дубилета в пристрастии к Мери, а в принципе к ней. Письмо Мери достаточно красноречиво, чтобы о нем можно было судить, независимо от отношения к нему т. Дубилета.

По существу же вопроса т.т., ставшие на сторону Мери, высказываются так:

«Мери не чуждый элемент, она просто жила в муках, из которого она не может выйти, и, вступив помощи, Дубилет предлагает заключить первый брак».

Г. БАЛЫНИКОВ (г. Днепропетровск)

«Мери не преступница, а больная. Давайте же будем искать более приемлемый способ лечения. Я ставлю вопрос хирургия или профилактика? Я предпочитаю второе».

М. ГРОССМАН (Обесс).

«Мери не чуждый элемент, а заблуждающийся».

А. АРБУЗНИКОВ (Пятигорск).

«Нужно не сразу бить, не сразу выбрасывать или клеймить «лакированность», нужно свертывать, кто обманется в браке, какая часть женщины, нужно осторожно лечить, менять формы и методы работы организации».

КОРЧЕНКО (Москва).

«Ничего, я против «стихотворения» Мери, но люблю узнать, при чуждом отношении к ней, Мери превращается в «жуко-нубуд» Марю и будет хорошей комсомолкой».

Ким ОКТАЕВ (Самара).

(Окончание на 3-й стр. обложки).

(Перенос со страницы 7)

Судим ли мы Мери, ту самую комсомолку Мери, которая проживает в г. Киеве? Нет, мы ее не судим. Это дело местной организации, которая будет иметь дело с ЖИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, а этот факт может привести кт. к самым разнообразным решениям вопроса о Мери. Хотя письмо Мери не может не явиться серьезнейшим обвинением против нее.

Но осуждим ли мы ту идеологию, которая выражена в письме Мери? Да, решительно осуждем, потому что — это идеология человека не только внешне предающего «партийность», но и явно отступившего от интересов пролетариата. Это — идеология неверия, лживости, антиреволюционного нигилизма. И человек, настаивающий на таких взглядах, не может иметь ничего общего с комсомолом.

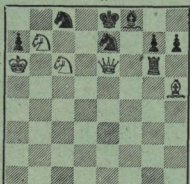
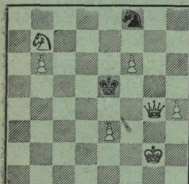
Можно призывать комсомольские организации к чуткости, к товариществу, как это делают тт., защищающие Мери, их требования справедливы, но выставление Мери не может быть расценено иначе как проявление не только «партийности», но и в обычном понимании этого слова, но и как документ явного мелкобуржуазного перерождения комсомольца.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. СЛОНИММА

ЗАДАЧА № 11
М. НЕЙМАН

ЗАДАЧА № 12
З. ГОЛЬДШМИТ

Белые: Кр g2, Ф g4, К b7, h8, e3, f6, h4... (7)
Черные: Кр e5, К f8... (2)
Ход в 2 хода

Белые: Кр a6, Ф e6, С h5, К b7 и c5... (6)
Черные: Кр e8, Л e8, С f8, К c5 и e7, лат, г7, h7... (8)
Ход в 2 хода

Черных 11 турах, выиграв всех одиннадцати партий, в том числе 3 партии у мастеров. Несмотря на проигрыш в заключительной партии (Попову и Рюмину) и ничью в последнем туре (со Слониммом), он легко занял первое место. Игру Панова отличает стремление к комбинации, напряженность, стремление к агрессивности даже в равном положении. В. Н. Панов включен в основной список участников Всесоюзного чемпионата СССР этого года. Приведем одну из партий В. Н. Панова:

ПАРТИЯ № 5
Индийская

Н. М. Зубарев — В. Н. Панов
(Белые) (Черные)
1. Кг1 — f3 Кg8 — f6! 2. d2 — d4 e7 — g6 3. e2 — e3 Cf8 — e7 4. Cf1 — d3 0 — 0 5. Кb1 — d2 d7 — d6

Панов в большом успехе применяет в этом турнире старинный вариант индийской партии,

случае, больше английские корабли с их 16-дюймовой артиллерией, изрыгающие на Галлиполи огни, больше не появлялись, в особенности, когда стало известно, что на помощь Турции пришла вторая германская подводная лодка. 1 июня U21 направилась в Дарданеллы, рали обладания которыми претерпевала вся эта пытка и проливалось столько крови.

Мы оставались в Средиземном море еще в течение 2 лет, занимаясь войной против торговли союзников.

Палаша Нептун был милостив к нам: мы случайно избежали гибели, хотя и много раз были на краю смерти.

В начале 1917 года Германия готовилась к последнему сокрушающему удару по Англии; был объявлен беспощадный подводный террор.

В марте U21 была вызвана обратно в Германию.

Так кончился свой рассказ Херинг. Интересен конец существования U21. Позже, когда Германия была разгромлена, ее подводный флот был ликвидирован. Херингу было приказано сдать лодку англичанам. Ее буксировал английский корабль. В пути каким-то необычным образом в подводной лодке открылась течь, и она затонула.

встретившийся и в этой партии. Вариант этот неслабого игнорируется в последние время в международных состязаниях. Капитуляция стеновности позиции черных компенсируется возможностями прорыва и активной игры на королевском фланге.

6. 0 — 0 Kf8 — d7
7. e4 — e5 f7 — e6
8. Лf1 — e1 Kf6 — h6!
9. Кd2 — f1 f7 — f3!

И у черных уже лучшая игра! Правда, дебют белых провели исключительно вяло.

10. Cd3 — c4! Kpg8 — h8
11. d4 — e5 e4 — d6 — e5
12. e3 — e4 f6 — f4
13. Фd1 — e2 Фd6 — e5
14. h2 — h3 g6 — g5
15. Кf1 — h2 Фf6 — g6
16. Кf2 — g4 Лf8 — e8
17. Ce1 — d2 Кh5 — f6
18. Kg1 — f6 Kd7 — f6
19. Кf3 — h3 g5 — g4!

Решающий ход, вскрывающий позицию, конечно, в пользу черных.

20. h3 — g4 Кf6 — g4

21. Кh3 — g4 Фg5 — g4
22. f2 — f3 Cg4 — e5
23. Cg4 — e6 Лf8 — e6

Итак, белые разменили ряд фигур, очевидно, в стремлении обезопасить себе защиту. Достигли ли они этого? Ответ на этот вопрос даст дальнейшее течение партии.

24. e3 — c4 Cg7 — f6
25. Лe1 — d1 Лa8 — g8
26. Cd2 — c3 Фg6 — h5
27. e2 — e3 f4 — g3
28. Фe2 — g2 Cf6 — e5

Атака черных развивается спокойно и точно. Белые не в состоянии защитить свою позицию; выдающиеся размены привели только к ослаблению их позиций.

29. Ce3 — d2 Лf6 — h6
30. Cd3 — g5 Фh5 — g5
31. Фg2 — d2 Фg5 — h4
32. Фf2 — g2 Фh4 — f4
33. Фg2 — d2 Фf4 — f3

Белые сдались.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

Редакция: Москва, Центр, Новая пл., д. 6, тел. 1-81-01
Монтаж: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., д. 6, тел. 5-67-03
№ 14 И Ю ЛЬ 1929 год

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: «Смена» 1 год — 2 р., 6 мес. — 1 р. 5 к., 3 мес. — 55 к. «Смена» с приложением. Изд. 6 раз в месяц и на море: 1 год — 3 р. 45 к., 6 мес. — 1 р. 80 к., 3 мес. — 95 к.

СОДЕРЖАНИЕ: За ключевую боеиспособность комсомола. (На XVI Всесоюз. конференции комсомола). Г. Блюмштейн — Палаша Андрея Гейко (рассказ). Вл. Рубин — Красный фронт против войны. А. Травничев — Поход под водой (очерк). Ф. Малов — Под шапками сосен (очерк). Дм. Петровский — Две рубли (рассказ). А. Кудряков — Ярмарка извест (очерк). И. Заславский — Составная серия (очерк). Спор о лабиринтах (дискуссия читателей о перелете Мери и Дублетта). Стихотворения: Н. Владимиров, Р. Карельской, П. Саварова, Г. Щербакова.

Книжная полка. Стихотворчество. Шахматы. Иллюстрации: С. Водуцкого и А. Тышлера.

В. Н. Панов.

Шахматным сообразителем последнего времени нувно считать блестящих успех В. Н. Панова в Московском большом чемпионате. Обладая вниманием привнесшего исключительный результат в

УКРАИНСКИЙ МАХОРОЧНЫЙ ТРЕСТ

УПРАВЛЕНИЕ: Киев, ул. Воровского, 6.

ОБЪЕДИНЯЕТ 9 крупнейших махорочных фабрик Украины, расположенных—3 в Кременчуге, 2 в остальных 6—в Прилуках, Черкассах, Лубнах, Киеве, Нежине и Ровнах.

Десять трестированных фабрик выпустили в 1927/28 г. 34 860 тонн продукции (34 400 тонн курительной махорки и 460 тонн нюхательного табаку), тогда как в 1913 году на 27 махорочных предприятиях Украины было выработано только 21 640 тонн.

Отпускная цена курительной махорки установлена в 21 р. 40 к. за ящик в 20 килограмм, а нюхательной в 28 руб.

В Киеве имеется при 5-й махорочной фабрике завод, вырабатывающий никотиновый экстракт—средство борьбы с вредителями растений и с паразитами овец.

СССР — УССР

ВСНХ

ЮЖНО-РУДНЫЙ ТРЕСТ

г. Харьков, дом Госпромышленности

ТЕЛЕФОНЫ: { Председателя 20-70.
Управ. делами 5-21.
Коммерч. отдел 28-64.

КОНТОРЫ:

Москва, Покровка, Колпачный пер., № 5. Тел. 4-82-87.
Днепропетровск, Проспект № 17. Тел. № 7.
Николаев, Пушкина ул., № 3.

ДОРОЖНОЕ БЮРО

ПО РЕАЛИЗАЦИИ СТАРЬЯ, ЛОМА И ИЗБЫТОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЮЖНЫХ ЖЕЛ. ДОР. ПРЕДЛАГАЕТ В ПОРЯДКЕ РЕАЛИЗАЦИИ СЛЕДУЮЩЕЕ СТАРОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Двигатель 12 л. сил фирмы Тойсак.
2. Керосиновый двигатель горизонтальный 10 л. сил фирмы Бенц.
3. Такой же двигатель вертикальный.
4. Два судовые бензино-керосиновые двигателя «Юкагама».
5. Нефтяной двигатель Боллиндер 10 л. сил.
6. Разные старые станки.
7. Разные предметы керосино-калильного освещения.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

8. Микротелефонные трубки.
9. Ящики кабельные 2×20 и 3×20.
10. Разные приборы и запасные части СЦБ.
11. Электроматериалы.

ЦЕНЫ ПО СОГЛАШЕНИЮ.**ЗАПРОСЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:**

г. Харьков, ул. Красноармейца, № 7, Дорожное бюро по реализации Южных жел. дорог.

ЗАДАЧИ и ЦЕЛИ**УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВ. ИНСТИТУТА ПАТОЛОГИИ и ГИГИЕНЫ ТРУДА**

Украинский государственный институт патологии и гигиены труда (б. Институт Рабедва) является центральным научно-исследовательским и научно-практическим учреждением, ставящим перед собой целью всестороннюю научно-исследовательскую разработку и разработку и изучение специальных вопросов в области изучения условий труда и быта рабочего класса, профессиональной патологии и гигиены, а также разработку мероприятий по руководству научно-исследовательской и научно-практической деятельностью учреждений рабочей медицины на Украине.

В ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА ВХОДИТ:

- 1) Исследования различными методами влияния профессионального труда на физическое состояние, заболеваемость, инвалидность, а также смертность и рождаемость рабочих масс.
- 2) Изучение этиологии, методов диагностики профессиональных заболеваний и борьбы с ними.
- 3) Научное усовершенствование врачей по подготовке их к работе в разных областях рабочей медицины.
- 4) Распространение и популяризация сведений по профессиональной патологии и гигиене труда.

С целью выполнения вышеуказанных задач Институт:

- а) Проводит научно-исследовательскую работу в лабораториях, стационарах и специальных отделениях Института.
  - б) Принимает участие в организации научных съездов, конференций и совещаний по вопросам, подлежащим компетенции Института.
  - в) Издает научные труды, являющиеся результатом научно-исследовательской деятельности Института в области проф. патологии и гигиены труда.
  - г) Дает заключения по вопросам борьбы с профзаболеваемостью, гигиене труда и пр.
  - д) Разрабатывает вопросы экспертным временной и постоянной утраты трудоспособности.
- Кроме того, с целью охватить своей исследовательской работой основную массу промышленности Институт направляет научные экспедиции также за пределы Харькова.
- Так, осенью этого года экспедиция, направленная в Донбасс, обследовала заводы химические, коксоблочные, рудные—с точки зрения здоровья рабочих и условий их работы на заводах. В настоящее время подобная экспедиция работает в Криворожии.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО РУДМЕТАЛТОРГ

1. ТЕХКОНТОРА ПРОДАЕТ: как годные к немедленной эксплуатации, так и требующие ремонта станки по металлу токарные, сверлильные, долбежные, фрезерные, строгальные и другие силовые установки; паровые машины, двигатели внутреннего сгорания, локомотивы, электромоторы и динамо-машины, агрегаты электростанций, разных мощностей паровые котлы, разных систем и поверхностей нагрева, насосы паровые и приводные различной производительности, лебедки, камнедробилки, бетономешалки, а также оборудование для различн. производств.

2. ТОРГПРОМБЮРО ПРОДАЕТ: железо, балки, рельсы, сталь инструментальную и простую, болты, гайки, заклепки, установочные электроматериалы, инструмент слесарный, стальной и другой, трубы дымчатные и водопроводные и части к ним, арматуру, краски и лаки, резину техническую и прочие промышленные товары по ценам ниже рыночных. Тел. 26-19. Магазины: пл. Р. Люксембург и ул. Свободн. Академии.

3. ЛОМОВЫЙ ОТДЕЛ ПОКУПАЕТ: лом черных и цветных металлов. Тел. 56-05. Склад—Харьков, Благбаз, Железные ряды.